
ЕЖЕГОДНИК

*Дома русского зарубежья
имени
Александра Солженицына*

2016

МОСКВА
Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
2016

«ЗНАЮ, ЧТО ВЫ ЛЮБИТЕ ДРЕВНИЙ ПСКОВ»

Переписка Л.Ф. Зурова и В.И. Малышева
(1957–1971)*

*Предисловие, подготовка текста
и комментарии А.М. Любомудрова*

Во второй половине 1950-х гг. значительно расширились контакты русских эмигрантов с советскими учеными, писателями, деятелями искусства. Интерес к эмиграции, до той поры вычеркнутой из культурного пространства советской России, возрос с приходом «оттепели». В свою очередь, открывшаяся возможность общаться с родиной, хотя бы через письма, привлекала многих представителей первой волны эмиграции.

Активную переписку с литераторами русского зарубежья начали и сотрудники Института русской литературы (Пушкинского Дома). Среди энтузиастов — П.П. Ширмаков, Л.Н. Назарова, В.И. Малышев и другие. Благодаря этим контактам Рукописный отдел института пополнился ценными архивными материалами. Нескольким ученым было позволено посетить Париж, навестить семью Б.К. Зайцева, встретиться с В.Н. Буниной и Л.Ф. Зуровым (этот эпизод отражен в настоящей публикации).

Как известно, в 1928, 1935, 1937 и 1938 гг. Л.Ф. Зуров участвовал в экспедициях в Прибалтику, в ходе которых подготовил описание древностей Псково-Печерского монастыря, провел реставрацию крыльца и звонницы монастырской надвратной церкви Николы Ратного, обследовал археологические памятники, поселения, святыни Печорского и Изборского края; опубликовал ряд статей. После войны он планировал передать материалы своих исследований в Советский Союз, но осуществить это не удалось. В 1950–1960-е гг. Зуров рассказал о своих работах в письмах к советским ученым — историкам, археологам, искусствоведам, и начало этому общению положила переписка с В.И. Малышевым.

Владимир Иванович Малышев (1910–1976) — известный археограф и историк древнерусской литературы, тридцать лет работавший в Пушкинском Доме. В 1949 г. он основал Древлехранилище — ныне всемирно известное собрание древнерусских рукописей, насчитывающее 11 000 единиц и носящее имя своего создателя. Человек энергичный, целеустремленный и достаточно смелый, Малышев наладил разносторонние контакты с зарубежными славистами. С радостью откликнулся он и на письмо Леонида Зурова. Обстоятельства их заочного знакомства таковы. В апреле 1957 г. к Зурову попала статья архитектора Г.И. Рабиновича, который обследовал Никольскую церковь в Печерском монастыре и опубликовал

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-04-00102.

свой эскиз ее реконструкции. О реставрации именно этого храма, проведенной Зуровым в 1930-е гг., как и о его исследованиях Печорского края, советские ученые тогда почти ничего не знали. Зуров, опиравшийся в своей реконструкции на древние источники, озабочен серьезным искажением исторического облика храма, взволнованно делится этим с друзьями-историками, ищет возможность донести свою позицию до архитекторов в советской России.

Это желание осуществилось благодаря общению с В. Малышевым. Зуров узнал от востоковеда В.П. Никитина о том, что Малышев хотел бы иметь его книгу «Отчина», он также познакомился с письмами Малышева к Ремизову (которые показал ему писатель) и 10 декабря 1957 г. написал ученому большое письмо. Ответ ободрил Зурова. «От Малышева я получил большое и очень сердечное письмо, в котором он благодарит за “Отчину”, — делится с Н.Е. Андреевым Л. Зуров. — Обрадовался. Подумать только! Какая контрреволюция! Сообщил мне, что выдержки из моего письма послал археологу и архитектору Рабиновичу <...> и в музей города Печор» [Переписка Андреева и Зурова 2013, с. 152]. Найдя наконец заинтересованного корреспондента, Л. Зуров пишет второе письмо (22 февраля 1958 г.), которое выросло в объемистый, на 17 страницах, очерк об исторических древностях Псковской земли и о своих исследованиях. Обширные выдержки из этих писем Малышев выслал знакомым ученым, помог Зурову установить связь с архитекторами и искусствоведами — В.В. Косточкиным, Г.И. Рабиновичем, П.А. Раппопортом, В.В. Седовым, Т.Н. Михельсон, М.С. Вильницем, с которыми Зуров затем увлеченно переписывался. Все они проявили живой интерес к довоенным экспедициям Л. Зурова, его работам и исследованиям. К аргументам Зурова прислушивались, благодарили за уточнения и замечания. Так советская историческая наука в 1950-е гг. узнала имя Зурова — археолога и этнографа. Это общение отражено в издании [Пономарев 2014].

Переписка с Малышевым продолжалась до самой смерти писателя (последнюю открытку Зуров выслал за двадцать дней до своей кончины). В этом ученом Зуров почувствовал близкого по духу человека. Письма к Малышеву отличаются искренней, доверительной интонацией. Двух корреспондентов сближала любовь к Древней Руси, ее истории и культуре, православным святыням и памятникам. Переписка повлекла за собой обмен книгами, отпечатками статей.

Темой первых писем стала история Печерского монастыря, его святынь и древностей, реставрация сооружений обители. Затем возникла другая, остро волнующая Зурова: сохранение исторического облика Пскова. Этот город был для Зурова родным, любимым, его образ не раз возникает на страницах зуровской прозы. Судя по письму от 26 декабря 1958 г., писатель внимательно следил за деятельностью советских комитетов и комиссий по охране и восстановлению памятников зодчества, Академии архитектуры, Комитета по делам архитектуры, был знаком с их изданиями, выходившими в годы войны, а также с постановлениями правительства в послевоенные годы. В хрущевскую эпоху, когда начали массово уничтожаться храмы, борьба за сохранение культурного наследия обрела особую остроту, получая все более широкий общественный резонанс. Писатель обеспокоен проектами перепланировки Пскова, которые могут нарушить

исторический облик города. В лице В. Малышева и его коллег Зуров находит единомышленников.

Из переписки с Малышевым Зуров получает информацию о культурной жизни в Советском Союзе, об изданиях по архитектуре, археологии, этнографии. Малышев отвечает на вопросы о судьбе знакомых Л. Зурова, след которых он потерял в военные годы, — К.Б. Иртель, И.Н. Заволоко и др. В свою очередь Малышев обращается к Зурову с просьбами уточнить ряд деталей и фактов для своих исследований. Почти в каждом письме ученый просит присылать любые сведения об изданиях, посвященных Аввакуму: в эти годы он собирал свою «аввакумиану» — подборку книг, отисков статей, журнальных и газетных вырезок, иконографических материалов. Л. Зуров помог В. Малышеву наладить связь со своим давним другом — историком и писателем Н.Е. Андреевым, жившим тогда в Англии.

Представляет историко-литературный интерес участие в данной корреспонденции В.Н. Буниной. В публикацию включены несколько записок Веры Николаевны и ее письмо к В. Малышеву от 5 февраля 1959 г. (они прилагались к письмам Зурова). Личность И.А. Бунина и его творчество, подробности его жизни в эмиграции составляли в те же годы предмет переписки В. Буниной и Л. Зурова с литературоведом А.К. Бабореко. Это общение отражено, в частности, в книге [Бабореко 1993]. Однако ряд изданий и фотографий Бунина, а также свою книгу «Жизнь Бунина» (1958) Вера Николаевна прислала именно В. Малышеву, который передал их в архив и в литературный музей Пушкинского Дома. Данные события (видимо, при посредстве Малышева, который постоянно проявлял заботу о «рекламе» литературоведческих исследований) отражались в советской прессе, и Малышев высылал В. Буниной (опять же через Зурова) газетные вырезки с упоминанием о ценных дарах вдовы, как тогда выражались, «известного русского писателя».

Нашла отражение в переписке и встреча В. Буниной, Л. Зурова с сотрудницами Пушкинского Дома, состоявшаяся осенью 1960 г. Приветственные записки к ним Зуров затем прикладывал к письмам Малышеву. В письмах 1960-х гг. находит также отзвук драматическая история, связанная с судьбой наследия И.А. Бунина. Зуров упоминает о своих многолетних безуспешных переговорах с советскими чиновниками по поводу передачи бунинского архива в Советский Союз и о том, сколь пагубно они повлияли на его здоровье.

В переписке в разных контекстах возникает множество имен представителей различных областей гуманитарного знания, литературы и искусства из Европы и Америки, среди которых поэты, прозаики, журналисты, художники, реставраторы, искусствоведы, историки, краеведы, археологи, богословы, издатели, библиографы, антиквары, фольклористы, переводчики. Со многими Зуров был знаком, встречался, переписывался. Упоминаются научные центры Франции, Чехословакии, Эстонии, Шотландии.

В последние годы появился ряд публикаций, освещающих малоизвестные прежде страницы биографии Зурова, связанные с его научными поездками в Прибалтику. Существенным подспорьем при подготовке настоящей публикации послужило издание «Зуров Л.Ф. Статьи и письма» (2014), подготовленное Андреем Юрьевичем Пономаревым, куда вошли статьи и письма Зурова, посвященные

обследованию Печорского края в 1920–1930-х гг., материалы его археологических и этнографических разведок. Это издание — весомый вклад как в историографию Псковской земли, так и в воссоздание творческой и научной биографии Зурова. Книга сопровождается обширным комментарием, многочисленными приложениями, указателями, редкими фотографиями. Опубликовано также переписка Зурова с участником экспедиций по Печорскому краю Н.Е. Андреевым, охватывающая 1936–1971 гг. (см.: [Переписка Андреева и Зурова 2013]). Много ценных фактов содержит очерк [Белобровцева 2010] и монография [Громова, Захарова 2012].

Надеемся, настоящая публикация расширит представления о двух выдающихся деятелях русской культуры, уточнит детали их биографии, научные и творческие интересы, круг их общения.

Письма Малышева к Зурову публикуются по оригиналам, хранящимся в архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына в фонде Л.Ф. Зурова (Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 67). Они представляют собой авторизованную машинопись и автографы (листы, почтовые карточки, открытки). Письма Зурова к Малышеву приводятся по оригиналам, хранящимся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) в фонде В.И. Малышева (Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1463). Они представляют собой машинопись, дополненную по тексту чернилами (что не оговаривается специально); письма от 17 апреля 1961 г., 23 декабря 1964 г. и открытки написаны от руки.

Л. Зуров печатал письма в нескольких копиях и затем вносил правку от руки: вставки, примечания, постскриптумы порой объемные. Сопоставление оригиналов, отправленных адресатам, и копий, отложившихся в архиве Л. Зурова в ДРЗ, показывает, что эти правки не тождественны; подчас текст, имеющийся в отправленных письмах, отсутствует в копиях. В настоящей публикации все письма приводятся по оригиналам, полученным адресатами.

Примечания Зурова обозначены звездочками (как и в оригиналах) и приводятся в постраничных сносках. Подчеркивания принадлежат Л. Зурову, за исключением письма от 22 февраля 1958 г., где текст подчеркнут В. Малышевым.

Все письма Зурова отправлены по одному адресу: «Владимиру Ивановичу Малышеву, Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Набережная Макарова, дом № 4. Ленинград. URSS». Обратные адреса — Париж, Эдинбург, Сент-Эндрюс и Эрки. Судя по штемпелям, письма доходили в Ленинград из Франции и Шотландии весьма быстро, в течение 5–7 дней.

Переводы иностранных текстов выполнены публикатором и заключены в квадратные скобки. Все тексты приведены в соответствие с современными нормами орфографии и пунктуации. Унифицировано название института — Пушкинский Дом. Топонимы унифицированы в соответствии с нынешними нормативными написаниями: город Печоры, Печорский район, река Печора, но Псково-Печерский монастырь (именно так обозначает эти названия В. Малышев, в то время как Л. Зуров последовательно пишет их через «е»). Исправлены написания городов (Тронхейм, Нюрнберг, Гейдельберг) и имен собственных: П.А. Раппопорт,

Д.С. Стеллецкий (у Зурова — Рапопорт, Стеллецкий), Е.Э. Малер (у Зурова и Малышева встречаются варианты Малер и Маалер).

Источники и литература

ДРЗ — Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

- Бабореко 1993 — *Бабореко А.К.* Дороги и звоны: Воспоминания, письма. М., 1993. 211 с.
- Бакунина-Осоргина 2012 — Русская общественная библиотека имени И.С. Тургенева. Со-трудники. Друзья. Почитатели / Т.А. Бакунина-Осоргина. Изд. доп. СПб., 2012. 144 с.
- Басовская 2011 — *Басовская Е.Н.* Меч обоюдоострый: идея «чистоты языка» в советской и антисоветской пропаганде (по материалам советской периодики и парижского журнала «Русская речь» 1958–1963 гг.) // *Филология и человек*. 2011. № 4. С. 79–97.
- Белобровцева 2005 — *Белобровцева И.* «Видно, моя судьба, что меня оценят после смерти» // *Звезда*. 2005. № 8. С. 59–60.
- Белобровцева 2010 — *Белобровцева И.З.* Леонид Зуров и Эстония // *Русские в Прибалтике: Сб. статей / отв. ред. И. Белобровцева*. М., 2010. С. 289–307.
- Голованова, Назарова 1974 — *Голованова Т.П., Назарова Л.Н.* Парижские встречи с далеким и недавним прошлым // *Бунинский сборник: Мат-лы науч. конф., посвященной столетию со дня рождения И.А. Бунина*. Орел, 1974. С. 295–307.
- Громова, Захарова 2012 — *Громова А.В., Захарова В.Т.* Жизнь и творчество Леонида Федоровича Зурова. М., 2012. 178 с.
- Малышев 1966 — *Малышев В.И.* История «иконного» изображения протопopa Аввакума. Приложение: Протопоп Аввакум в изобразительном искусстве (материалы) // *Труды Отдела древнерусской литературы*. М.; Л., 1966. Т. XXII. С. 394–401.
- Маркелов 1980 — *Маркелов Г.В.* Из истории собрания И.Н. Заволоко // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Л., 1980. Т. XXXV. С. 439–445.
- Маркелов 2015 — В.И. Малышев. Переписка (1941–1945 гг.) / публ. Г.В. Маркелова // «Верили в Победу свято»: Материалы о Великой Отечественной войне в собраниях Пушкинского Дома. СПб., 2015. 380 с.
- Назарова 2004 — *Назарова Л.Н.* Воспоминания о Пушкинском Доме. СПб., 2004. 504 с.
- Никитин 1994 — *Никитин В.П.* Кукушкина (Памяти А.М. Ремизова): Воспоминания / подгот. и коммент. Н. Грякаловой // *Ремизов А. Павлиным пером*. СПб., 1994. С. 212–238.
- Переписка Андреева и Зурова 2013 — «Только Вы поймете следующий текст...»: Переписка Н.Е. Андреева и Л.Ф. Зурова / сост. И.З. Белобровцева, Е.Н. Андреева. Таллин, 2013. (Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Вып. XIII). 298 с.
- Пономарев 2014 — *Зуров Л.Ф.* Статьи и письма / ред.-сост. А.Ю. Пономарев. М., 2014. (Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии Л.Ф. Зурова; вып. 1). 422 с.
- Ремизов 1979 — *Ремизов А.М.* Письма к В.И. Малышеву / публ. С.С. Гречишкина и А.М. Панченко // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год*. Л., 1979. С. 203–215.
- Устами Буниных 1977 — *Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин*. Франкфурт-на-Майне, 1977. Т. 1. 368 с.
- Федоров 1982 — *Федоров Н.Ф.* Сочинения / вступ. ст., примеч. и сост. С.Г. Семенов. М., 1982. (Философское наследие; Т. 85). 711 с.

Л.Ф. Зуров на крыльце церкви Николы Ратного в Псково-Печерском монастыре. 1935 г. Фотография, присланная Л.Ф. Зуровым В.И. Мальшеву (Лит. музей ИРЛИ. ПД-3146 / И-79497). Публикуется впервые

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЬШЕВУ

10 декабря 1957 г. Париж

Париж, 10 декабря 1957 года.

Многоуважаемый Владимир Иванович,

В Шотландии я получил письмо от Василия Петровича Никитина¹, в котором он любезно мне сообщил, что Вы запросили его о моей книге «Отчина»².

Вернувшись в Париж, я побывал у Василия Петровича, а потом у Ремизова. У Алексея Михайловича я был тогда последний раз. Голова его была на редкость ясна. Он мне показывал Ваши письма³ и полученные из Академии наук книги с надписями, и это его очень радовало. Мне он сказал: ««Отчину» разыщите во что бы то ни стало. Обязательно пошлите ее в Пушкинский Дом. Раздобудьте ее, ничего, если книжка будет потрепанная. Я попрошу своего переплетчика хорошо ее переплести; скажу ему, а он возьмет с Вас недорого».

Я начал искать «Отчину». За это время у Алексея Михайловича здоровье ухудшилось. Сердечный приступ, удушье. Начали давать кислород. Доктор Зернов⁴, который его лечил, нас все время извещал о состоянии его здоровья. Но все это уже в прошлом. Алексея Михайловича мы похоронили. И мне пришлось нести его гроб. Никитин в это время был серьезно болен. Жена от него смерть Ремизова скрывает. У Василия Петровича процесс в легких. Когда-то он свой туберкулез залечил, а теперь очаг снова открылся. Все же недавно он прислал мне исключительно милое и дружеское письмо, к которому приложил не только Ваш адрес, но и выдержку из Вашего письма. После долгих хлопот я книгу нашел. К букинистам не обращался. (Требовали с людей больше двух тысяч, — да и то надо ждать*. Сейчас А.П. Струве⁵ — парижский букинист — ищет «Отчину» для проф<ессора> Вернадского⁶, так

* А когда-то она была во всех русских библиотеках Эстонии и Латвии.

как тот не мог ее найти в Америке.) Книгу мне подарила владелица «Русской общественной библиотеки», Иконникова⁷. Она от Веры Николаевны Буниной узнала, что книга мне нужна для отправки в Пушкинский Дом. Она ее вычеркнула из своего каталога. Это был единственный библиотечный экземпляр.

Простите, что книжка в дурном переплете. Обложка утеряна. Кое-где я текст сократил. Буквы, заставки, концовки перерисованы моею рукой. Большую часть букв я взял (из обнаруженного мною в Печерском монастыре) служебника вечерних времен («Книга Мисюрева»⁸); другие же взяты из переписных книг Псково-Печерского монастыря разных времен. Единороги, Лачплесис, всадник, звери, птицы, псковский пардус — взяты с древних монастырских переплетов*. Кое-что взято из синодиков. На странице 30-й рисунок — ризница. Это мой рисунок. На стр. 46 и 48 напечатаны архитектурные рисунки Печерской обители. Я их перерисовал с обнаруженной мной во время обследования большой иконы. Она была залита голубиным пометом и сохранила этот рисунок. Он мне помог при реставрации Никольской звонницы и крыльца. Об этой иконе, как и о реставрации, к величайшему моему сожалению, научные работники, которые производили обмеры в Печорах, понятия не имели. Смотрите «Архитектурное наследство», ном<ер> 6, Гос<ударственное> издательство. Москва, 1956. Академия архитектуры СССР. «Архитектурный ансамбль Псково-Печерского монастыря». <Автор> Г. Рабинович⁹. (Эскиз реконструкции — острог у Никольской башни, рис. Г. Рабиновича — не соответствует действительности. Это очень печально. Да и в тексте ошибки есть. Церковь в древности имела восьмискатное покрытие. Звонница была на стене). Я видел уже целый ряд современных советских фотографий Никольской церкви. Кто-то (после войны) поставил на звоннице главку. Никогда не было в древности на звоннице этой главки. И мне когда-то пришлось выдержать борьбу с людьми, которые хотели, чтобы и я во время реставрации поставил на звоннице такую главку. Об этом написал в свое время (в ревельской газете) художник-архитектор Владовский¹⁰. А вот теперь — опять появилась главка! Реставрация была мне поручена в 1935 году Отделом по охране памятников старины (Министерства нар<одного> просвещения Эстонской республики). Под моим присмотром работала артель каменщиков-старообрядцев из посада Черного, что на озере Чудском (я их взял, так как они согласились работать по-старинному)¹¹.

На стр. 54 рядом со святителем Николаем напечатан образ преп. Корнилия. Его образ (самый древний)** я обнаружил на одной из снятых с икон (за ненадобностью) серебряных цат. (Они были свалены в библиотеке).

Обращаю Ваше внимание на один из водяных знаков. Это русский водяной знак, который я называю «конь». Конек — буква К; окружение (незавершенное) — буква О, а две последние буквы — НЬ — нарисованы над конем, в круге. Это очень интересно. Покойная Ремизова¹³ мне когда-то сказала, что такого водяного знака она в монографиях не видела. Извещаю Вас, что после издания «Отчины» я все

* Возможно, что среди них есть и переплеты ливонские.

** Второй образ обнаружил в Никольской церкви Dr. Н.Е. Андреев¹². Этот образ находится в кробце (в кробце стоит статуя св. Николая, окруженная малыми иконами).

клише (букв, заставок и концовок) подарил своему другу И.Н. Заволоко¹⁴ (и дал ему право печатать все это в его журнале, который тогда выходил в Риге). Ивана Никифоровича я видел в Риге последний раз в 1937 году. Что стало с ним, я не знаю¹⁵. Проф<ессор> Гудзий¹⁶, с которым я познакомился в Эдинбургском у<ниверсите>те, во время завтрака мне сказал, что рукописи, которые собирал Заволоко, уцелели.

Мне будет очень приятно получить Вашу книгу. Я ее с наслаждением читал, достав у знакомых, даже сделал из нее целый ряд выписок, а вот купить ее не успел — расхватали.

Сообщаю Вам, что часть экспедиционного архива хранится у меня. Уцелели, к счастью, и перерисованные мною (на кальке) буквы. В архиве есть и поминальная запись о Пушкиных. Ее я нашел в старом синодике. А в печерском некрополе я обнаружил во время экспедиционного обследования (1937–38 гг.) несколько могил Пушкиных, прикрытых великолепными керамидами. Один из Пушкиных — Петр Степанов Пушкин¹⁷, убит от безбожных немец под Ельмано в 7083 году. Я думаю, что это сообщение интересно для Пушкинского Дома. В Печорах погребены и другие Пушкины, принявшие иноческий образ, а неподалеку от них положен и раб Божий Иван Петрович Мусорской¹⁸. Вот где роды их сошлись! Возможно даже, что через княгиню Козловскую¹⁹ Мусорские связаны с Пушкиными. Когда перед войной я об этом сказал В.Ф. Ходасевичу, то он этим весьма заинтересовался. Но все сорвала война. Вообще же, надо сказать, керамиды Печерского монастыря ожидают своей монографии. Ведь это удивительнее монастырское мастерство.

Мне очень жаль, что начатая нами экспедиционная работа (Этнологическо-го института в Париже, Кондаковского института²⁰ и Базельского университета) не была закончена. Отчет об экспедиционной работе, посланный после войны из Парижа в Академию наук СССР, очевидно, не прибыл по назначению, так как подтверждения о том, что он передан в Академию, получено не было²¹.

Желаю Вам доброй работы.

Уважающий Вас

Л. Зуров

L. Zouroff,

Chez Madame V. Bounine,

1, rue Jacques Offenbach,

Paris 16^e

France

P.S. Умер художник Добужинский²². Какой очаровательный и тонкий был человек. И чувство старины у него было изумительное.

Л.З.

P.P.S. В Псково-Печерском монастыре в Успенском (пещерном) соборе я нашел медную воинскую хоругвь, что в 1582 г. была принесена во Псков и во время боев была выставлена на стене, обозначая ставку. Хоругвь медная, литая, с темным ликом Нерукотворного Спаса. В древности, судя по переписным книгам, она нахо-

дилась в Ратной Острожной церкви. Ее во время крестных ходов носили (на древке, испытывая силу) псковские и печорские стрелцы. В 1938 г. она находилась в Успенском соборе. Для нее был устроен особый киот. О том, что это воинская хоругвь, монахи уже не знали, но обозерские старики помнили это и мне кое-что рассказали. Монографию о хоругви должен был написать доктор Кондаковского института Н.Е. Андреев (ныне он преподает в Кембридже). Хоругвь тогда сфотографировал Дедич²³ (фотограф-чех Кондаковского института), что прибыл в Печоры на работу вместе с Андреевым и доктором Карлова у<ниверсите>та Ириной Окуновой (дочь профессора Окунева. Погибла во время войны в Загребе)²⁴.

¹ Никитин Василий Петрович (1885–1960) — дипломат, публицист, переводчик, востоковед. В эмиграции с 1919 г. Профессор Школы восточных языков в Париже, участник Парижского этнографического общества. О его кончине Зуров рассказал Малышеву в письме от 7 июля 1960 г.

² *Зуров Л.* Отчина. Рига: Саламандра, 1928. Книга издана в авторском оформлении.

³ Переписка Ремизова и Малышева продолжалась с апреля по октябрь 1957 г. См.: [Ремизов 1979].

⁴ Зёрнов Владимир Михайлович (1904–1990) — доктор медицины. Эмигрировал в 1921 г. в Югославию. Профессор Белградского университета. В 1929 г. переехал в Париж. Работал в Пастеровском институте. Лечил многих русских эмигрантов, в частности И.А. Бунина. После выхода на пенсию переехал в Швейцарию.

⁵ Струве Алексей Петрович (1899–1976) — библиограф и антиквар, сын П.Б. Струве.

⁶ Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973) — историк-евразиец, сын В.И. Вернадского. В эмиграции с 1920 г. Преподавал в Карловом университете, участник семинара «*Seminarium Kondakovianum*». С 1927 г. научный сотрудник Йельского университета (США).

⁷ Русская общественная библиотека («Тургеневская»), созданная в 1875 г. русскими эмигрантами, в 1940 г. после оккупации Парижа была вывезена немцами в неизвестном направлении и на момент написания письма (1957) не существовала. Усилиями энтузиастов-эмигрантов восстановлена в 1959 г. В описании истории библиотеки имя Иконниковой не встречается (см.: [Бакунина-Осоргина 2012]).

⁸ «Книга Мисюрева» — украшенный киноварными знаками рукописный служебник XVI в., принадлежавший влиятельному представителю власти в Пскове дьяку Мисюрю (Михаилу Григорьевичу) Мунехину (†1528).

⁹ Рабинович Георгий Исаевич (1925–2015) — архитектор. Окончил Московский архитектурный институт (1947). Заслуженный архитектор РФ (1992). Главный архитектор проектов мастерской № 5 ГУП НИИП «Моспроект-4».

О своей работе в Псково-Печерском монастыре, проекте реконструкции Никольской церкви и откликах «из Франции» (очевидно, Л. Зурова) Г. Рабинович спустя 60 лет оставил любопытные воспоминания, размещенные им в интернете 11–12 августа 2014 г.:

«Впервые в Псково-Печерском монастыре я оказался в 1947 году, куда был направлен Моск<овским> архитектурным институтом на обмерную практику. <...> Когда я в первый раз прошел через входные ворота и подошел к Никольской церкви, передо мной открылась совершенно фантастическая панорама, я решил, что это какие-то сказочные декорации, настолько необычно всё выглядело (тогда территория еще не заросла деревьями). В монастыре мы проработали довольно долго. Всё, что можно было, мы обмеряли, делали кроки, зарисовки. Кстати, звонница Никольской церкви была разрушена снарядом, и я

сделал эскиз восстановления верха по образцу главной звонницы. Но “мастера” сделали по-другому, и так и осталось.

<...> Второй раз я был в Печерах в 1953 году, когда задумал написать работу о монастыре. Кое-что дообмерял, проверял. Приехал еще раз зимой 1954 года. Статью отдал в “Архитектурный сборник” Академии архитектуры. Статья вышла в 1956 году. Через некоторое время (а время-то было какое!) я стал получать восторженные письма из... Франции, Австралии и др.

Последний раз я был в Псково-Печерском монастыре в 2005 году, как раз на Спас» (http://pskovgrad.ru/pskovskaja_oblast/pechorskijj_rn/41408-ansambl-pskovo-pecherskogo-monastyrua.html; дата обращения: 24.01.2016).

¹⁰ Владовский Александр Игнатьевич (1876–1950) — архитектор, художник, литературный критик. Имеется в виду его заметка о проведенной Зуровым реставрации (*Владовский А. О новых домах в Петсери, работе Л. Зурова, «знатоках» и словоблудии // Вести дня (Таллин). 1935. 26 сент. № 227*). Републикована: [Пономарев 2014, с. 241–242].

¹¹ Подробности реставрации монастырской церкви Николая Ратного, выполненной Л. Зуровым, см.: [Там же, с. 275–277].

¹² Андреев Николай Ефремович (1908–1982) — историк, литературовед, философ. В эмиграции с 1919 г., жил в Эстонии. Окончил философский факультет Карлова университета в Праге (1927–1931). Работал в Археологическом институте имени Н.П. Кондакова (в 1939–1945 гг. — директор). В 1945 г. арестован, провел два года в советских тюрьмах в Германии. После освобождения жил и работал в Берлине; в 1948 г. был приглашен преподавать в Славянский отдел Кембриджского университета. Автор ряда статей о Псково-Печерском монастыре.

¹³ Ремизова-Довгелло Серафима Павловна (1876–1943) — палеограф, жена А.М. Ремизова.

¹⁴ Заволоко Иван Никифорович (1897–1984) — историк, краевед, фольклорист, собиратель русских древностей (в частности, обнаружил второй список литературного шедевра XIII в. «Слово о погибели Русской земли»). Старообрядческий вероучитель. В 1921 г. поступил в Карлов университет в Праге, принимал участие в работе семинара Н.П. Кондакова. Член общества «Икона» в Париже. По окончании университета в 1927 г. возвратился в Ригу.

¹⁵ В 1940 г. И.Н. Заволоко был арестован органами НКВД. Находился в лагерях (1941–1949) и ссылке (1949–1958). При содействии В.И. Малышева в 1959 г. вернулся из ссылки в Ригу. Стал внештатным сотрудником ИРЛИ, участвовал в археографических экспедициях, пополняя коллекцию древнерусских рукописей — Древлехранилище, основанное Малышевым в 1949 г. В ответном письме В. Малышев сообщает о судьбе ученого и собранных им рукописей.

¹⁶ Гудзий Николай Каллиникович (1887–1965) — историк древнерусской литературы. Руководил отделом древнерусской литературы в ИМЛИ (1938–1947), отделом русской литературы (1945–1952) и отделом украинской древней литературы (1952–1961) в Институте литературы им. Т.Г. Шевченко АН УССР.

¹⁷ Петр Степанов Пушкин — новгородский помещик, убит в 1575 г.

¹⁸ Иван Петров Мусорской — московский дворянин, умер в 1656 г.

¹⁹ Козловская Мария (†1645) — княгиня, дочь Петра Ивановича Мусорского, жена князя Ивана Петровича Козловского.

²⁰ Созданный в Праге в 1925 г. учениками Н.П. Кондакова «Seminarium Kondakovianum» в 1931 г. был преобразован в Археологический институт имени Н.П. Кондакова. Институт занимался изучением древнерусского искусства, вел педагогическую деятельность. Существовал до 1952 г.

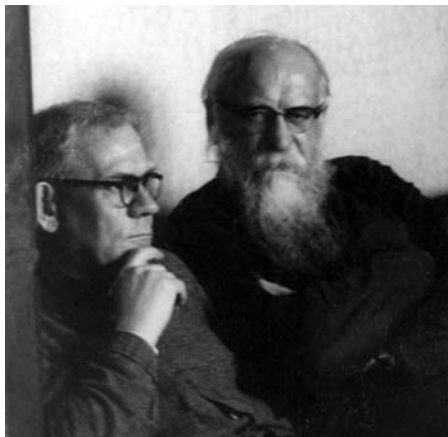
²¹ Попытки передать научным центрам СССР результаты своих исследований Л. Зуров предпринимал еще в 1944 г., но они остались безуспешными. И в послевоенные годы

«до Академии наук СССР отчеты, посланные Л.Ф. Зуровым из Парижа, так и не дошли» [Пононарев 2014, с. 331].

²² Добужинский Мстислав Валерианович (1875–1957) — художник, участник творческого объединения «Мир искусства», художественный критик, мемуарист. С 1924 г. жил в Литве, с 1935 — в Англии, с 1939 — в США.

²³ Дедич Франц Иванович — чешский фотограф, друг Н.Е. Андреева.

²⁴ Окунева-Расовская Ирина Николаевна (1913–1941) — искусствовед, специалист по древнерусскому и византийскому искусству. Жена Д.А. Расовского — историка, сотрудника Археологического института им. Н.П. Кондакова. Окончила Карлов университет, работала в Кондаковском институте. Автор статей, посвященных иконам, литой пластике, иконографии святых. Погибла вместе с мужем при бомбардировке Белграда. Николай Львович Окунев (1885–1949) — историк искусства и архитектуры. Действительный член Славянского института в Праге. Основатель Архива и галереи славянского искусства при этом институте.

В.И. Малышев и И.Н. Заволоко. 1960-е гг.

В.И. МАЛЫШЕВ — Л.Ф. ЗУРОВУ

2 января 1958 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Книгу и письмо получил. Большое спасибо. Если бы я знал, что Вам придется употребить так много усилий на поиски книги, я ни за что бы не стал Вас обременять этой просьбой. Но теперь уже что говорить. Дело, как говорят, сделано. Очень тронут.

Одновременно с этим письмом я послал Вам свою книжку о Сухане¹, а через некоторое время вышла книжка об осаде Пскова Стефаном Баторием в 1582 г.²

Я сделал выписки из Вашего письма о церкви Псково-Печерского монастыря и послал археологу Рабиновичу³ (я его хорошо знаю) и директору Музея г. Печор⁴. Музею поручено наблюдать, чтобы реставрация построек Псково-Печерского монастыря проходила строго научно.

Вот Вы упомянули профессора Кембриджского университета Андреева. Я к нему обращался несколько раз с просьбой сообщить мне зарубежную библиографию о протопопе Аввакуме. Он сам, кажется, не раз касался этого нашего писателя XVII в. Но проф<ессор> Андреев даже не ответил на мои письма. Теперь я уже к нему обращаться не буду по поводу воинского стяга, бывшего в Пскове во время осады города Стефаном Баторием.

А Вас буду очень просить, если Вам попадутся на глаза стихи, поэмы, романы, посвященные протопопу Аввакуму и осаде Пскова Стефаном Баторием, заметьте

все это для меня. И конечно, меня очень интересуют исследования, статьи и заметки, посвященные Аввакуму и осаде Пскова в 1582 г., вышедшие за рубежом, в том числе на русском языке. Одной из моих ближайших тем является полная библиография Аввакума. Собираюсь я также переиздать свою книжку об осаде Пскова Стефаном Баторием.

А теперь о Ремизове. Покойного писателя А.М. Ремизова я очень любил за его приверженность к Аввакуму и к народному русскому слову. Мне удалось его связать с Пушкинским Домом, и обе стороны, кажется, были очень довольны этим общением. А.М. Ремизов прислал нам много своих книг; наша библиотека организовала выставку этих книг. В свою очередь мы посылали ему всё, что он просил. Смерть А.М. Ремизова нас очень потрясла. Это был вечный труженик и большой писатель.

Вы интересовались собранием древнерусских рукописей И.Н. Заволоко. Оно лет пять назад было куплено библиотекой Академии наук СССР (в настоящее время научно описано, ветхие рукописи реставрированы) и вполне доступно для всех желающих изучать его.

Сам И.Н. Заволоко живет в Риге.

Еще раз спасибо за книгу.

С наилучшими пожеланиями,

В.И. Малышев,

старший научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР

2.I.58 г.

Авторизованная машинопись.

¹ *Малышев В.И.* Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII в. М.; Л., 1956.

² Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков / подгот. текста и ст. В.И. Малышева. М.; Л., 1952.

³ См. примеч. 4 к письму Зурова от 22 февраля 1958 г.

⁴ Вильниц Михаил Самуилович (1915–1969) — директор Печорского краеведческого музея в 1950-х гг.

В.И. МАЛЫШЕВ – Л.Ф. ЗУРОВУ

18 февраля 1958 г.

Многоуважаемый Леонид Федорович!

Одновременно с этим письмом послал Вам свою книгу «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков». Напишите мне о получении ее. До этого я послал Вам книгу «Повесть о Сухане». Надеюсь, что она до Вас уже дошла. Если Вам попадет на глаза (в зарубежной литературе) что-нибудь об Аввакуме, Стефане Батории и Пскове, Густаве-Адольфе и Пскове, запишите для меня. Эти темы

меня очень интересуют, правда, в 1958 и 1959 гг. я буду заниматься описанием печорских рукописей и думаю издать эту работу отдельной книгой. С Печоры (Северной) я привез более 300 рукописных книг XV–XIX в<еков>, есть среди них очень интересные. Но протопоп Аввакум всегда у моего сердца, хотя вот серьезно, по-настоящему мне еще не удавалось им заняться, всё отодвигали другие, текущие дела.

Если Вас не затруднит, позвоните, пожалуйста, Н.В. Резниковой¹ и В.П. Никитину и передайте им от меня поклоны. Почему Н.В. Резникова не ответила на три моих письма, которые я послал ей уже после смерти А.К. Ремизова?

Спасибо Вам за Андреева. Он прислал мне письмо, я ответил ему открыткой.

Всего Вам наилучшего,

В. Малышев

18.II.58 г.

P.S. Кланяйтесь от меня А.Г. Дедову².

В.М.

P.S. Спросите, пожалуйста, Д. Джапаридзе³, дошла ли до него моя книга о Сухане. Я немного сетую на него. Он выпустил полезную книгу — указатель описаний собраний славяно-русских рукописей⁴, но почему бы ему во время работы не написать мне. Я бы сделал ему серьезные дополнения, уточнил ряд адресов. Прислал бы мне машинопись своей работы, я бы ему на полях многое дописал. Он же хорошо знал, что эта тема мне очень знакома.

В.М.

Авторизованная машинопись.

¹ Резникова Наталья Викторовна (1902–1992) — переводчик. В эмиграции с 1921 г. Литературный секретарь А.М. Ремизова, ухаживала за ним в последние годы жизни. Автор книги воспоминаний «Огненная память» (Беркли, 1980; СПб., 2013).

² А.Г. Дедов — псевдоним литератора Александра Григорьевича Фабашенко-Савченко (1880–1970). В эмиграции с 1920 г. С 1928 — в Париже, с 1969 — в США. Оказывал помощь больному А.М. Ремизову, наряду с Н.В. Резниковой записывал под диктовку письма Ремизова, в частности адресованные к В. Малышеву.

³ Джапаридзе Давид Александрович (1921–1970) — специалист в области русской филологии, истории языка и древнерусской литературы. Эмигрант, работал в Париже в Высшей практической школе (1957–1963), был директором курсов по русской истории, сотрудником Института славяноведения (в 1970-е гг.). Переехал в США.

⁴ *Djaparidze D. Mediaeval Slavic Manuscripts: A Bibliography of Printed Catalogues / foreword by P. Pascal. Cambridge, Mass: The Mediaeval Academy of America, 1957.*

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

22 февраля 1958 г., Париж

Париж, 22 февраля 1958 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Сердечно благодарю Вас за письмо и ценный подарок — «Книгу о Сухане» с Вашей надписью. Очень тронут. Прочел ее с наслаждением и величайшей пользой для себя. Даю ее читать и знакомым. Спасибо за поздравление с Новым годом. Желаю Вам в этом году доброй и плодотворной работы.

Обрадовало меня известие, что рукописная библиотека Заволоко приобретена Академией, а сам Иван Никифорович живет в Риге.

Я попросил своих шотландских друзей (Эдинбургский университет) навести справки относительно опубликованных в английской печати исследований, статей и заметок, посвященных протопопу Аввакуму. Они обещали это сделать. Написал я и Николаю Ефремовичу Андрееву (спросил его, почему он не ответил на Ваши письма). «Тут какое-то недоразумение, — пишет мне Андреев, — разумеется, я ответил бы Малышеву с полной охотой. Пожалуйста, при случае сообщите В.И. Малышеву мой адрес и вместе с приветом передайте уверение в полной моей готовности быть в его распоряжении, если В.И. Малышеву нужны какие-либо справки»¹.

Статей об осаде Пскова в русской зарубежной печати я не встречал, а вот в военном музее Парижа когда-то обнаружил саблю Батория с его портретом, выгравированным золотом на стальном клинке. Мне очень приятно, что Вы сделали выписки из моего письма и послали их археологу Рабиновичу и директору музея Печор. Надеюсь, что воинская хоругвь² уцелела (над киотом было приклеплено и навершие хоругви, которое находилось когда-то на древке). Надеюсь, что немцы не увезли икону с архитектурными рисунками обители. Это большой образ, когда-то находился он в нише, т. к. верхние края его срезаны и закруглены. Он потемнел за века — едва-едва через черноту, как через густую болотную воду, золотятся главы. Для тех, кто изучает войну Батория, он интересен и тем, что на нем, среди предстоящих старцев и игумнов, написан и убиенный при осаде Печор отрок Юлиан. Если икону не найдут, то это будет величайшая потеря для людей, изучающих древнее русское зодчество. Весною <19>28 г. я осторожно смыл с иконы голубиный помет, а потом, сидя на солнце, срисовал церкви и укрепления (в натуральную величину). Эти рисунки — два больших листа — уцелели в моем архиве. Если икона пропала, то я могу передать эти листы в Академию наук или же в Академию архитектуры. Сообщаю Вам также, что в <19>35 г. я попросил приехавшую в Печоры ревельскую художницу Киру Борисовну Иртель³ перерисовать акварельными красками (написанную посередине иконы) группу предстоящих. К.Б. Иртель все сделала очень точно. Тогда же она сняла копии с некоторых икон, окружающих деревянную статую Св. Николая. Зарисовки были сделаны в большом альбоме. В 1938 г. он хранился у К.Б. Иртель. Она проживала тогда в Таллине*.

* Последний адрес К.Б. Иртель: Nine t. 2 а, кв. 3. Tallinn.

По имеющимся у меня теперь сведениям, ее семья (муж с сыном) во время войны была эвакуирована в Симбирск, а Кира Борисовна (принимавшая участие в эвакуационной работе) уехала из Таллина с последним эшеломом во время боев.

Что Вам ответили из Печор?

Уцелел ли служебник вечевых времен — книга Мисюрева (так было написано полууставом на внутренней, чистой стороне ее переплета)? Молитва о посадниках («Отчина», стр. 32) взята из служебника.

Что Вам ответил Г. Рабинович?⁴ Его интересную (с любовью написанную) работу я еще раз внимательно перечитал. Надеюсь, что автор не обидится на мои замечания. В 1928 г. я был послан в Печоры комиссией по изданию монографии о Псковско-Печерском монастыре⁵ (проф<ессором> Латвийского у<ниверсите>та В. Синайским⁶ и академиком художником Виноградовым⁷) для обследования древностей. Зимой, весной и летом (пользуясь найденной иконой с рисунком обители и переписными и хозяйственными книгами, сваленными тогда в маленькой комнате, в покоях владыки Иоанна⁸) я осмотрел не только церкви, башни и стены, но и пещеры, погреба, чердаки (часть сведений о сделанных мною тогда находках я послал в 1936 году Кондаковскому институту* и уговорил кондаковцев начать работу. И в Базельский у<ниверсите>т написал**).

Мысль о реставрации возникла у меня в 1928 г., но осуществить реставрационные работы я смог лишь весной <19>35 года, когда специально приехал для этого в Печоры из Парижа.

Реставрационные работы начались весной и потребовали в течение лета внимательной, тщательной и напряженной работы. Я вижу, что Г. Рабинович не представляет, в каком состоянии находились звонница и крыльцо. Когда я снял крышу с фальшивой главкой, деревянный тамбур и балки, то открылась картина дикого разрушения. Верхи звонницы (фронтоны) были обломаны, крыш над крыльцом не было — все это когда-то погорело и было искалечено. Своды были раздавлены упертыми в них (вкопанными в разбитую каменную кладку) тяжелыми балками надстроенной над каменным крыльцом деревянной колокольни (ее монахи построили, — рассказали мне печорские старики, передавая то, что слышали от дедов, — чтобы зимой звонарям было теплее звонить). Своды крыльца от чрезмерной нагрузки дали опасные трещины (на пасхальной неделе забирались люди на колокольню трезвонить); железная связь — что связывает крыльцо и звонницу — лопнула. Вторая, верхняя железная связь была когда-то просто обрублена. Угол крыльца от сырости (были поломаны водостоки), а также и оттого, что монахи, устроив когда-то в каменной палатке, под крыльцом, келью, разрушив стену, провели дымоход, раскрошился; фундамент осел, и крыльцо грозило обвалом. Разросшиеся деревья своими корнями разрушали фундамент. Каменных ступеней (первых четырех ступеней) не было — их при постройке деревянной колокольни монахи сломали, чтобы потом вплотную придвинуть высокое деревянное

* Когда-то, будучи студентом архитектурного отделения, я имел счастье слушать в Праге, в нашем студенческом общежитии Свободарна⁹, лекции академика Кондакова¹⁰.

** Базельский у<ниверсите>т послал в Печоры Prof. Dr. E. Mahler¹¹ (этнография; записи народных песен) и музыковеда профес<ора> Гандшина¹².

Реставрация церкви Николая Ратного Псково-Печерского монастыря. 1935 г.

*Фотография, присланная Л.Ф. Зуровым В.И. Мальшиеву
(РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1463. Л. 14)*

крыльцо. Фронтоны звонницы были настолько обломаны, что от каменных украшавших их бровок уцелели только концы. Хорошо, что такие же — громовидные бровки — сохранились на большой Успенской звоннице, — они помогли мне тогда полностью восстановить древний узор*. Пролеты между звонничных столбов были заложены наполовину, а ближний к церковной стене пролет был заложен целиком. Всю весну и лето каменщики (а потом плотники, кровельщики) работали на окружавших звонницу лесах.

Рабинович пишет¹⁴ (стр. 79): «В конце XIX и начале XX веков к крыльцу и звоннице Никольской церкви была сделана деревянная пристройка, обезобразившая это сооружение». Я точно не знаю, когда надстройка была к звоннице приложена, но, судя по углям и обгоревшим концам балок, это произошло после пожара. Далее Рабинович пишет: «Позднее было искажено покрытие звонницы». Эта строка удивила не только меня. Когда и кем было искажено покрытие звонницы? Если внимательно перечитать это место, то можно подумать, что покрытие звонницы было искажено во время реставрации, хотя о реставрационных работах 1935 г. Рабинович молчит. А вот в отлично изданных Академией архитектуры памятниках древнего зодчества¹⁵ — там в папках большие листы, и на одном из них напечатан прекрасный снимок Никольской церкви, — в тексте, приложенном к фотографиям, все же сказано, что реставрация звонницы и крыльца Николь-

* Смотрите приложенную к письму газетную вырезку¹³. Пожалуйста, сохраните ее.

ской церкви была произведена в тридцатых годах. Когда мои кембриджские друзья читали работу Рабиновича, то впечатление у них получилось такое: сняли когда-то деревянную эту пристройку, и звонница с крыльцом открылись вот в таком виде, в каком они сейчас. Только вот кем-то было искажено покрытие звонницы!

Что же Рабинович пишет после фразы «Позднее было искажено покрытие звонницы». — «Во время Великой Отечественной войны снарядом была разрушена верхняя часть звонницы. При проведении обмеров в 1945 г. автором данной статьи был сделан чертеж, по которому выполнено современное покрытие звонницы. Это покрытие (по два ската на звон) сделано аналогично покрытию многих псковских звонниц». А как же в 1935 г. были покрыты звонницы?

Пользуясь Вашей исключительной любезностью, как и тем, что Вы лично знакомы с Рабиновичем, я посылаю Вам фотографию Никольской церкви. Снимок сделан в 1937 году фотографом Института имени академика Кондакова.

Мне было бы очень приятно, если бы Г. Рабинович сверил фотографию 1937 года* с прекрасной фотографией, помещенной в «Архитектурном наследстве». Он может убедиться, что звонница при реставрации <19>35 года была покрыта правильно. Пожалуйста, если это возможно, сообщите Рабиновичу (и Академии архитектуры), что часть фотографий, сделанных во время реставрации, находятся в моем архиве, некоторые же негативы принадлежат фототеке Музея человека (бывший парижский музей Трокадеро).

Сведения о ходе реставрационных работ Г. Рабинович может найти в русской таллинской газете «Вести дня» за 1935 г. Там было напечатано много корреспонден-

*Церковь Николая Ратного Псково-Печерского монастыря после реставрации. 1937 г.
Фотография, присланная Л. Зуровым В. Малышеву
(РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1463. Л. б/н)*

* Есть у меня фотография звонницы (колокола, бровки), которую мне прислал из Америки (побывавший в 1937 г. в Печорах) архитектор К. Перцов¹⁶ (Cambridge. USA).

денций (постоянный корреспондент А. Морозов¹⁷). Там была опубликована и фотография, которую я прилагаю¹⁸. Корреспонденции и статьи были помещены в рижской газете «Сегодня», в гельсингфорском литературном журнале «Литературное содружество», в таллинском художественном журнале «Новь» и в парижской газете «Последние новости».

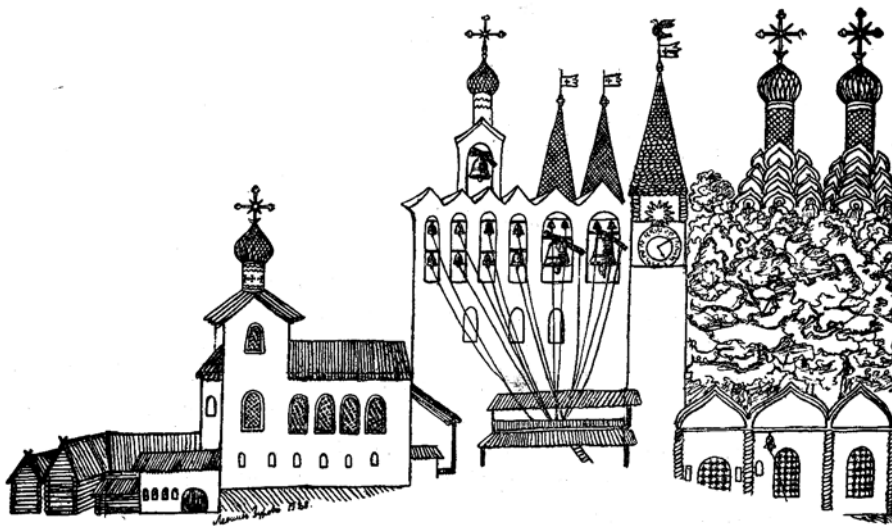
Надеюсь, что рисунки, помещенные в «Отчине», помогли Рабиновичу. Ему кое-что в своей (отлично написанной работе) придется пересмотреть (о большой звоннице, пристройке для петровского колокола, о часах). Конечно, иконописец опустил кое-какие маловажные детали (каменные бровки на фронтонах звонниц. Громовидный узор я встречал над входами в древние церкви Шотландии и Франции); стилизованно нарисовал восьмикатное покрытие Никольской церкви, но он прекрасно изобразил шатры Успенского собора. Они были золотые. В золотых, уменьшающихся постепенно кокошниках были написаны образа. Поставлены были эти золотые шатры среди дубов (на Святой горе, как это мне удалось выяснить потом, в 1937 г., во время экспедиционной работы, находилась когда-то священная роща. Один из дубов полуверцы почитали еще при мне — приносили ему, как и в древности, вышитые полотенца и обвязывали его свадебными поясами. Недалеко от монастыря, в том же приовражном лесу, находился когда-то и знаменитый некогда целебный священный камень — печорский менгир, ныне засыпанный песком во время обвала и лежащий в ложе ручья Каменца, Титов камень. Ему и в 20-м веке приносили жертвы, около него лечились от бесплодия женщины*. В Бретани после войны я нашел под Карнаком менгир, которому бесплодные бретонки приносят и теперь жертвы). Да, такого храма, как древний Успенский, не было в Центральной России. Когда строили Покровский собор, его древние золотые главы сломали. Современные купола (очень красивые) были отстроены владыкой-южанином по образцу куполов Киево-Печерской лавры. (В те времена, при Петре, один из владык — Маркел¹⁹ — приказал перелить в золотые слитки древние монастырские золотые привесы к иконам — среди них были древние золотые кресты, серьги и золотые венецейские корабельники.)

Пожалуйста, если это возможно, сообщите Г. Рабиновичу ряд важных для него данных.

1) Во время реставрационных работ был произведен анализ первой штукатурки Никольской звонницы и храма. Известь была прекрасно просеяна, очищена в творах. Примешан был не только толченый кирпич** для лучшей связи, но и нарубленный лен (первого сорта, как мне сказал печорский специалист по льну Минин²⁰). Этот известковый раствор, крепко связанный с плитняковыми камнями, создал изумительную, приятную чистоту стен, а для иконописцев был настоящим левкасом. По сырому этому левкасу они и подписали в древности

* О поклонении священным камням в Печорском краю я напечатал работу в шведском этнографическом журнале «Folk-liv». 1940. <Т. IV. S. 62–76>: «Dyrkan av stenar, källor och träd bland Setukeser och Ryssar i Petseri-området» av L. Zouroff. Paris. [«О почитании русскими и сету священными камнями и источников в Печорском крае»]. Там же напечатаны и печорские фотографии. Негативы принадлежат фототеке Музея человека (Париж).

** Об этом пишет и Рабинович.

*Звонница Псково-Печерского монастыря. Рисунок Л. Зурова с древней иконы.
Опубликован в кн.: Зуров Л. Отчина. Рига, 1928. С. 48*

Никольский храм (о том, что он был когда-то покрыт снаружи фресками, у меня есть выписки, взятые из переписных монастырских книг. Эти книги в 1937 <г.> изучал и доктор Н.Е. Андреев). Возможно, что древние фрески сохранились под густой побелкой. Печорские строители готовили известковый раствор так же, как и вызванные когда-то на работы в Московский Кремль псковские мастера («Царские иконописцы», 2 тома, Успенский²¹). Печорский известковый раствор — смешанный с кирпичом и льном — держался на стене удивительно. При сильном ударе штукатурка давала трещину звездой, но от стены не отпадала, будучи вся связанная льном. Стена через нее свободно дышала — влага в плитняковой стене не накапливалась (при морозе штукатурку не отламывало вместе с камнями, как это случилось в 1927 году, когда монахи вздумали цементом ремонтировать острожную стену. Скопившаяся осенью под цементом влага цементную штукатурку вспучила, а во время морозов она от стены отвалилась вместе со связанными с нею камнями)*. Отштукатуренная по-древнему церковь, при органической неровности старинных стен, при солнечном освещении, удивительно хороша. Этой чистой красотой славились псковские и новгородские церкви. Их стены были неровны не потому, что строители «клали на глаз» и были люди простые. Свое дело они знали отлично. Как ими построена Большая звонница! Какую тяжесть несет и как она легка! В старину не любили работать «под правило и под лопатку» (так мне говорили в 1937 г. мурники — мужики, жившие под Изборском, предки которых когда-то строили и Печоры, и Изборск). Древним зодчим, как и народу, была

* Да и белить цементную штукатурку — одно горе. Тон получается холодный, мертвый, свинцовый. А сколько церквей изуродовали так. Вот и ворота (складень) Сеннского погоста изуродованы такой штукатуркой.

чужда мертвая геометрическая прямолинейность, которой при реставрации была испорчена чудесная, ныне погибшая церковь Спаса Нередицы.

«Можно предположить, — пишет Рабинович на стр. 75, — что Никольская церковь в 1582–83 гг. не имела своей звонницы, так как на этом месте стояла стена острога».

Судя по иконописному рисунку, звонница построена в одно время с церковью. Она являлась как бы частью боевой стены. Производя расчистку оружейной палаты, под крыльцом я раскрыв замурованные подошвенные звоничные бои. Снаружи они не видны, т. к. земля поднялась. Из этих боев можно было вести стрельбу по острогу, а из других подцерковных боев (также раскрытых мною) можно было, в случае надобности, стрелять и по прорвавшемуся в Никольские ворота врагу.

Пожалуйста, скажите Г. Рабиновичу, что строитель Никольской церкви был мастером воинских укреплений. Да, все было обдуманно, так как постройку вел (о чем я узнал только в 1935 году) талантливый воевода²², отличившийся во время Ливонской войны*. Реставрационные работы показали, что в старину и боевой мост внутренней, ныне разрушенной стены проходил по стене звонницы, — при захвате врагами острога она являлась частью боевой стены. Звонница не только увеличивала толщину стены, но и была (до постройки высокой рубленой башни на острожных Святых воротах) церковной и осадной звонницей. На ней висел сторожевой колокол. «Карнаухий» — как называл его народ, считая его вечевым колоколом**.

(В Изборске звонница крепостного Никольского соборного храма, построенного в 1330 году, находилась тоже на боевой стене. Я видел в Париже гравюру пушкинских времен, где нарисована на стене изборская крепостная звонница. К сожалению, она давно уже рухнула.)

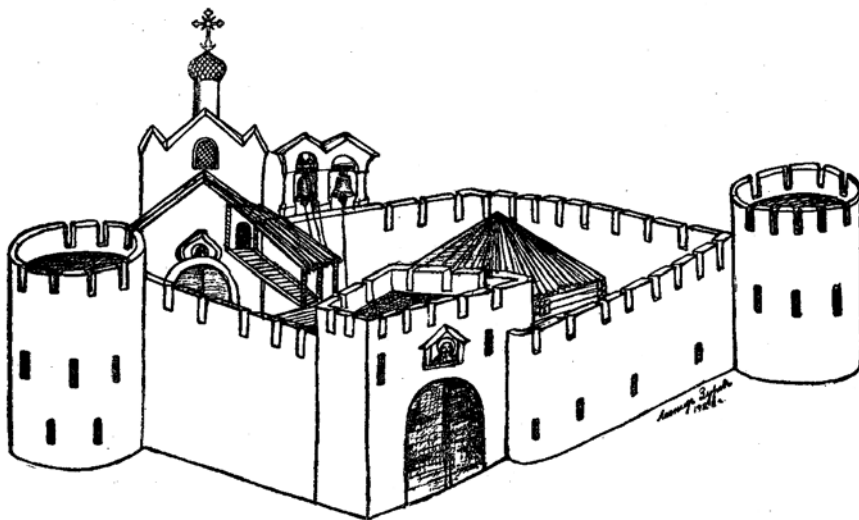
Сообщаю Академии архитектуры, что под Никольским крыльцом всегда находилась каменная палата (в подклетьях церковных было две каменных палатки. Под Никольской церковью находился и пороховой запас). В старых монастырских переписных книгах перечислен был боевой монастырский наряд — пищали-хвостуши, пушки на башнях и стенах. В книгах этих говорится и об оружии, хранящемся в Никольском подклетье церковном.

Дверь, ведущую в оружейную палатку (что под крыльцом), мне не удалось реставрировать. Средств не хватило. Не успел я тогда укрепить и склон оврага, над которым построен храм. Весенние ручьи овраг размывают, земля осыпается. В одном месте Никольский храм дал трещину.

В <19>28 году я обнаружил в Никольской башне заложённую камнями дверь, через которую по деревянной лестнице когда-то можно было спуститься в острог к стрелецкой избе. (В случае захвата острога лестница убиралась.) Эта заложённая дверь отмечена и у Рабиновича на чертеже 17 (стр. 72-я), но, к сожалению,

* Об этом я написал в «Отчине». Была опубликована в нью-йоркском журнале «Новоселье» (после войны)²³.

** Мне говорили, что этот вечевой колокол был кем-то наказан — уши отрубили. Потом их припаяли.

Вид на Святые ворота, острог и церковь Николая Ратного Псково-Печерского монастыря. Рисунок Л. Зурова с древней иконы. Опубликовано в кн.: Зуров Л. Отчина. Рига, 1928. С. 46

во время обмеров обследовавшие монастырь не знали о существовании рисунка обители. Трудно, конечно, было догадаться, что это такое — дверь или заложённое окно.

Во время реставрации мне удалось выяснить, что во времена Корнилия²⁴ Никольская церковь и звонница были покрыты побелкой изумительно нежного бледно-розоватого тона — то был нежнейший тёплый цвет. Мои маляры перед побелкой реставрированной звонницы, делая пробы, долго пытались добиться такого тона, но после многочисленных проб оказалось, что таких красок ныне не существует, — торговая краска, примешанная к раствору, давала цвет холодный и грубоватый — так что от желания побелить церковь в первоначальный цвет пришлось отказаться. Звонница и крыльцо мною были покрашены в цвет бледной ржаной соломы, т. к. мною было найдено на звонничной стене много таких же старинных желтоватых слоев, но я еще раз повторяю — первоначальная покраска церкви и звонницы (от примеси бледно-розовой глины) создала вот тот изумительный цвет розовой зари, упавший на чистый снег. Такие глины находят на берегах реки Великой. В юности я видел под городом Островом выходы таких глин (и на реке Тихвинке в б<ывшей> Новгородской губернии). Предполагаю, что когда-то и Благовещенская церковь была того же тепло-розового цвета (это ее потом покрасили в цвет рябиновой пастилы, так как старые секреты были утеряны, обитель разбогатела, но начался упадок зодчества и мастерства).

Позднейшие известковые растворы (замурованные бойницы; заложённые под колоколами, меж столбов звонничных пролеты) перемешаны с грубым песком, а самые поздние растворы — с примесью мелкого гравия. Вот тогда, в те

времена древние иконостасы были заменены новыми. Ценнейшие иконы были сложены в дровяных сараях, а то пошли на хозяйственные нужды.

В <19>28 г. в погребках (что под Сретенским храмом) я видел бочки с квашеной капустой, солеными грибами и огурцами, которые были накрыты древними иконами Успенского собора, а доски иконные были липовые «с ковчезцами», но краски от сырости осыпались.

Рабинович справедливо возмущается небрежным отношением к древним иконам. Сейчас на Западе русским иконам посвящено много книг. Коллекции русских икон имеются во всех странах. И каких икон! Я бывал на выставках в Париже, видел частные собрания. И в музее города Осло видел я великолепные новгородские образы. И в соборе города Тронхейма. В Кембриджском музее много неразобранных русских икон. Когда-то все антиквариаты Парижа были забиты русскими иконами. У антиквара Золотницкого²⁵ были сложены иконы трех древних церквей. Все это раскуплено знатоками. Много ценнейших икон уплыло за океан. А уж не так-то и много (после войн и пожаров) у нас осталось древностей. «Древняя фигура святителя Николая недавно покрашена алюминиевой и бронзовой краской», — пишет Рабинович. Я хочу ему сообщить, что резной образ св. Николая уже давно испорчен малярами. Под малярной краской (в <19>28 г.) я обнаружил очень тонкую древнюю роспись золотом и иконописными яичными красками. Тогда у меня возник вопрос: а не этот ли образ привезли когда-то старцы-мореходцы, не о нем ли был (отмеченный в Новгородской летописи) спор в Софийском соборе? Правда, на Севере есть такие же статуи, но печорский Никола весьма древен. Священник печорский Иона побывал ведь и в Великом Новгороде у владыки.

Резной образ свят<ителя> Николая «на рези» упомянут в самых старых переписных книгах. (Печально, что и малые иконы «в кробце» находятся в дурном состоянии. Это ценнейшие иконы.)

Храм, что сейчас держит в руке св. Николай, сравнительно новый. Он сделан в монастырской столярной мастерской. Старый был утерян в те времена, когда по приказанию Екатерины II святителя Николая монахи убрали и спрятали.

У Рабиновича (эскиз реконструкции) нарисованы сохранившиеся в острожной стене ниши. Но это не ниши, а наполовину заложенные камнями подошвенные бои острожной стены. Когда-то они были открыты, но так как печорские нищие, облюбовав эти места, оставляли в них свое тряпье и объедки, то монахи, блюдя чистоту, заложили бои. Об этом во время реставрационных работ мне рассказали нищие старцы.

Подошвенные бои сохранились в крепостной стене. Рабинович может их легко обнаружить.

Рабинович пишет, что под куполом Благовещенской церкви находится надпись славянской вязью. Эти (буквенные) поливные изразцы в <19>28 году уже осыпались. Изготовлены они, очевидно, в той же мастерской, которая изготовляла для обители и великолепные надгробные «керамиды».

Поясок из поливных цветных изразцов я обнаружил (в <19>28 г.) и под куполом Большой Успенской звонницы. На изразцах — лилии. Они разрушались. Потом этот поясок был забелен.

Цветная роспись была мною обнаружена над входом в Успенскую пещеру (вход, что находится недалеко от кельи схимника). Думаю, что это остатки древней росписи. Потом ее (к ужасу моему) покрыл маслом, «оживил» работавший в 1937 г. в монастыре маляр Ульянов²⁶.

«Благовещенская церковь, — пишет Рабинович, — является редким для псковской архитектуры примером двухэтажного храма». Сообщаю ему, что в погосте Малах под Изборском, у Мальского озера я осматривал развалины древней монастырской церкви. Мальский храм, так же как и Благовещенский, был двухэтажный — внизу находилась трапезная. Храм разорен войсками Батория. Венгры в нем устроили конюшню. Древние стены сравнительно хорошо сохранились. Этот храм ждет научных работников. Вторая монастырская церковь в Малах поставлена на языческом священном ключе (языческие места Печорского края были мною в <19>37 и <19>38 гг. зарегистрированы). Чрезвычайно интересно то, что сохранившаяся монастырская церковь несет пять куполов. Академию архитектуры я очень прошу осмотреть шеи этих куполов. Древний каменный (псковский) поясok на куполах (и на апсидах) штукатурками давно замурован и забелен. Все это можно раскрыть. Мальский монастырь связан с Елизарьевым монастырем (старца Филофея). Прекрасно сохранилась его звонница (новгородского типа, брусаяная), но надо решить, такой ли она была в древности? Не превратили ли ее в новгородскую колокольню, пристроив потом к звонничным столбам стены.

Сообщаю музею города Печор, что часть поясного иконостаса из малого упраздненного храма, что находился под куполом Благовещенского собора (о нем пишет Рабинович), я обнаружил в часовне на Б<ольшой> Пачковке. Он был прибит гвоздями к бревенчатой стене. Там же находился образ св. князей Всеволода и Тимофея исключительной ценности и древние (резные и кованые) подсвечники Печерского монастыря. В 1935 г. все это было взято, по моему указанию, министерством под охрану. Уцелели ли эти ценные для истории русского искусства образа? (Тогда я взял под охрану и каменные кресты, находящиеся у Пачковской часовни, — там погребены ратные, побитые войсками Батория. «Гораздо труднее, — пишет Рабинович на стр. 64, — восстановить деревянное завершение башен». В «Отчине» (стр. 73) помещена старинная гравюра — там башни с колпачками, а над Святыми острожными воротами отстроена деревянная высокая башня, рубленая, а высотой она приблизительно такая же, как и башня современная. (Виден на гравюре и купол Никольской церкви меж двух башен, Затюремной и Брусаяной, видна еще одна церковь*.)

«Примерно в это время, — пишет Рабинович, — была сооружена деревянная церковь Сорокомучеников. На ее месте в 1541 ... была выстроена каменная Благовещенская церковь» (стр. 56). Церковь Сорокомучеников, деревянная, была вынесена за стены, на разрастающийся постепенно посад. Она (по переписным книгам) стояла рядом с деревянным дворцом, поставленным на царский приезд. Посадская церковь Сорокомучеников изображена на гравюре (стр. 75-я «Отчины»). В переписных книгах о ней сказано подробно. Предполагаю, что не только она была перенесена на посад, но и нарисованное на гравюре старинное мона-

* Потом она была разобрана.

стырское било. При Петре из погоста Тайлово, когда там начали строить каменный храм, в одно из сел монастырских перевезли рубленную из бревен старую тайловскую церковь. (Тайловская церковь находится недалеко от монастыря.)

Печорские старики мне рассказали (а память народная многое хранит), что когда-то при земляных работах за монастырем были обнаружены древние монастырские ямы с заложённой в них известью. Древний известковый раствор (а таким раствором когда-то были покрыты башни и стены) был изумительный — «чисто густая сметана, розоватая от примеси глины. Когда на открытом воздухе она затвердела, то оказалась крепче цемента».

Академию архитектуры я Вас прошу известить, что в 1937 и <19>38 гг. (во время экспедиционной работы) мне удалось узнать от проживавших тогда в изборской богадельне крестьян, что под Изборском жили «мурники» — крестьяне, мастера каменного дела. Свой опыт они передавали из поколения в поколение. Во многих деревнях — в Луках и в окрестностях Холохальни — каменные ворота с круглыми псковскими столбами, печурками (округленными калиточными и воротными сводами) сложены мурниками по-древнему — «только класть стали потом на глине». «Там все строено так, как строили в старину в богатых дворах во Пскове». Богатые псковичи предпочитали жить в рубленых домах для здоровья, но ворота и надворные постройки строили из камня. Во время сильных псковских пожаров та плита рассыпалась. Теперь такие дворы остались только в деревнях. В 1938 г. я в деревнях нашел мурников — наследственных каменщиков. Они действительно сохранили свое умение. Их предки (судя по рассказам крестьян, а у меня с ними были добрые отношения, и они мне во время обследования помогли) строили каменный Изборск, Печоры, работали в Пскове. Избы древнего Пскова были рубленые, с подыбицами, высокие, а надворные постройки сложены были, — вот как и ворота, — из плитнякового камня. Люди в каменных домах, в таких как Поганкины палаты, жить не любили — вредно, а вот для скота строили из камня.

Пишу Вам об этом потому, что считаю, что в тех деревнях можно изучать гражданское зодчество древнего Пскова. Я не знаю, уцелели ли во время войны эти деревни. (Некоторые фотографии хранятся в фототеке Музея человека.)

Простите за столь обширное письмо, но я думаю, что дополнительные сведения могут пригодиться ученым. Мне крайне досадно, что Г. Рабинович не мог ознакомиться с посланной мною в 1945 году (в Академию наук) запиской (в ней было сказано и об иконе с архитектурным рисунком, и о реставрации). Хотя записка была написана поспешно (в те времена я еще не оправился от последствий недоедания), но она была составлена по экспедиционным материалам, часть которых уцелела (перед захватом немцами Парижа мои чемоданы с экспедиционными материалами спрятали на чердаке своего загородного дома наш друг Т.С. Конюс²⁷ — младшая дочь Рахманинова. Конюсы потом бежали от немцев в Тур, их дом был занят, немцы забрались на чердак, штыками взломали замки чемоданов, все вытряхнули на пол)²⁸. После освобождения Парижа я постарался сделать все возможное, чтобы русские ученые как можно скорее узнали о незавершенной работе. Я тогда составил записку «Археологическая и этнографическая разведка Печорского края в 1935, 1937 и 1938 гг.» Ее (с приложением археологической карты, кроками) я передал Александру Ивановичу Алексееву²⁹,

заведовавшему тогда в Париже культурными сношениями (ВОКС)³⁰, для пересылки в Академию наук. Алексеев мне дал адрес: Институт антропологии, археологии и этнографии. Ленинград, В.О., Университетская набережная, 3.

С тех пор много воды утекло. О том, дошли ли пакеты по назначению, мне не известно. Да и другие, отправившие тогда через Алексеева свои работы в Академию наук, — геофизик Баранов, египтолог Малинин...³¹ — подтверждений не получили.

Следя за археологической работой на северо-западе СССР, я убеждаюсь, что академик Рыбаков³², научные труды которого я исключительно ценю, не знает о незаконченной в 1938 году на побережье Псковского озера археологической разведке (о найденном славянском городище, которое юрьевские археологи считали более древним, чем Труворово городище в Изборске). Неизвестно Рыбакову и об обнаруженных в Лютовом лесу в 1938 г. длинных славянских курганах* с трупосожжением, — а ведь там, за этнографической границей, в сетских деревнях сохранилась славянская топонимика — курганы эти уходят далеко в Юрьевский уезд. (Все там по-новому раскрывает древнюю историю Изборского и Обозерского края.) Неизвестно Рыбакову и о зарегистрированных языческих священных камнях. В <19>38 году мною от старых рыбаков были получены сведения, что в древности проживавшие у Лютова бора (и у Любниц, в Лисьях, Будовежах, Кулье, на острове Колпино) ловецкие дружины ходили на ладьях с морскими сетями ловить рыбу не только в Перновский залив, но, пользуясь волоком, ходили и Наровою в Балтийское море — Невою или в Ладугу, на Ладогe ловили рыбу, зимовали, рождали детей, торговали.

Советские этнографы не знают, что в парижском Музее человека находится собранная в 1938 г. в Печорском краю коллекция свадебных полотенец (большие боговики)**.

Археологическую разведку я производил после обследования Печорского края знаменитым шведским археологом проф<ессором> Тальгреном³³. Он работал со студентами-археологами. В Археологическом кабинете Юрьевского у<ниверсите>та были крепко убеждены, что уже все памятники материальной культуры на территории Печорского уезда, под Изборском и на берегу Псковского озера Тальгреном взяты под охрану. Впоследствии на обследованных Тальгреном местах я обнаружил много древних поселений и сотни курганов***. Документы, полученные от Археологического кабинета, находятся в Музее человека. В прибалтийской витрине музея выставлены фотографии и вещи Печорского уезда. В фототеке музея находятся негативы — сетская свадьба, поклонение Мегузицкому камню, деревянные Печоры, снятые до пожара <19>39 года, и т. д.

Простите, что долго Вам не отвечал. Хотелось написать основательное письмо. Был болен гриппом и жил в великих заботах. Через несколько дней должен сдать в типографию книгу повестей и рассказов³⁴. Там будет помещена и «Обитель». (В ней есть кое-что о войне Стефана Батория.)

* Ведь это один из малых янтарных путей «из варяг в греки». Места удивительные. Беда, что примерли теперь все старики. Пропущено время.

** Просматривал я монографию «Новгородская и псковская народная вышивка». <М.:> КОИЗ. 1955 г.

*** Mission du Ministère de l'Éducation National en Esthonie. 1937, 1938 [Миссия Министерства народного просвещения в Эстонии].

Пожалуйста, сообщите Пушкинскому Дому, что в длинной братской, пятой пещере Печерского монастыря находятся три пушкинских надгробных плиты — Семена Васильева Пушкина, инока, умершего 24 января 1555 года; Петра Степанова Пушкина, убитого немцами 17 апреля 1575 года; Ионы Пушкина, инока, умершего 22 декабря 1642 года (Пушкины, очевидно, перед смертью приняли постриг). В тех же пещерах похоронены были впоследствии и островские Симанские, что состоят в родстве с Пушкиными и Ганнибалами. А вот Мусорские: княгиня Мария Козловская, дочь Ивана Мусорского, умерла в 1648 году; Мария Петровна, жена Мусорского, умерла в 1648 году; Иван Петрович Мусорский, московский дворянин, умер в 1856 году³⁵. Над каждой могилой находится облитая зеленой глазурью барельефная доска. В этих же пещерах положены и убитые во время осады Стефана Батория.

От всей души желаю Вам доброй работы.

Л. Зуров

23 февраля 1958 г.

P.S. Принесли Ваше письмо от 18.П. Н.В. Резниковой я передал Ваш привет. Она приводит в порядок большое наследство А.М. Ремизова. В.П. Никитин страдает ужасно. Задыхается. А погода у нас стоит отвратительная. День и ночь льют дожди. Спрошу Д. Джапаридзе: дошла ли до него Ваша книга. Передам привет и Дедову.

Н.Н. Кандинская мне сказала, что она нашла в архиве своего покойного мужа (знаменитого художника Кандинского) письма Ремизова³⁶. Когда-то Кандинский сделал рисунки к книге Ремизова (и переписка, и рисунки уцелели. Об этом я уже известил Н.В. Резникову). Обнаружил я отличный портрет Ремизова — у художницы Орловой³⁷. Она хочет подарить этот портрет Пушкинскому Дому³⁸. Но как это сделать? Это ее Ремизов (когда он поселился в Париже) пригласил к себе, и она его отлично изобразила.

Л.З.

Впервые опубликовано А.Ю. Пономаревым — по копии из ДРЗ (см.: [Пономарев 2014, с. 49–55]), в которой, однако, отсутствует ряд фрагментов рукописной правки и большая часть примечаний, внесенных Зуровым в текст письма, отправленного В. Малышеву.

Письма Зурова от 10 декабря 1957 г. и 22 февраля 1958 г. В. Малышев скопировал и переслал знакомым археологам и историкам. На этих письмах имеются карандашные пометы Малышева: указано количество необходимых копий («4 экз.») и перечеркнуты фрагменты текста (не связанные с основной темой), которые при копировании перепечатывать не следует.

¹ Из письма Н.Е. Андреева к Зурову от 27 января 1958 г. [Переписка Андреева и Зурова 2013, с. 154]. При посредничестве Зурова переписка двух ученых осуществилась. Письма Н.Е. Андреева к В.И. Малышеву 1958–1972 гг. см.: ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1411.

² Далее В. Малышевым вписано карандашом: *XVI в. в Псково-Печерском монастыре*.

³ Григорьева Кира Борисовна (урожд. Полякова, в первом браке Иртель-Брендорф; 1917–1989) — художник. В 1930-е гг. жила в Эстонии, училась в Таллинском высшем художественном училище. Близкая знакомая Зурова, сопровождала его в экспедиции по Печорскому краю; послужила прототипом Киры в его повести «Иван да Марья» (см.: [Белобровцева 2005]). Во время войны эвакуировалась в Ульяновск. Впоследствии жила в СССР, вместе с мужем В.М. Григорьевым иллюстрировала детские книги.

⁴ Копии двух писем и двух фотографий, присланных Зуровым, В. Малышев выслал по ошибке не Г.И. Рабиновичу, московскому архитектору, автору статьи о Печерском монастыре, а М.Г. Рабиновичу (археологу и этнографу). Тот передал их Георгию Исаевичу, который в марте 1958 г. известил об этом Малышева. Весьма заинтересовавшись разысканиями Зурова и планируя написать ему письмо, Г. Рабинович попросил Малышева прислать ему копию иллюстрации из «Отчины» — рисунок звонницы. Малышев, по-видимому, забыл о просьбе, поскольку Рабинович повторяет ее вновь в мае, а затем и в октябре 1958 г.: «Зуров пишет, что помимо рисунков с древних икон у Вас имеется очень точное изображение большой звонницы монастыря, на котором видны все детали, вплоть до каждой веревочки. К сожалению, в библиотеке им. Ленина нет «Отчины», у меня нет никаких данных об этой книге» (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1029. Л. 3).

Переписку Л. Зурова и Г. Рабиновича (1958 г.) см.: ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 98.

⁵ Псково-Печерский монастырь: общий культурно-исторический очерк. Рига, 1929. Подробнее об истории создания монографии см.: [Пономарев 2014, с. 252].

⁶ Синайский Василий Иванович (1876–1949) — российский и латвийский юрист, историк и поэт. В 1922–1944 гг. профессор Латвийского университета в Риге.

⁷ Виноградов Сергей Арсеньевич (1869–1938) — живописец, один из основателей Союза русских художников (1903); с 1924 г. жил и работал в Латвии.

⁸ Епископ Иоанн (в миру Николай Александрович Булин; 1893–1941) — в 1920–1932 гг. наместник Печерского монастыря, в 1926 г. хиротонисан во епископа Печерского. В октябре 1940 г. арестован НКВД и в июле 1941 г. расстрелян.

⁹ Русские студенты, а также ряд профессоров и преподавателей размещались в здании студенческого общежития «U svobodárny» (Praha, VIII-Liben, 1110).

¹⁰ Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) — историк византийского и древнерусского искусства, археолог, создатель иконографического метода изучения памятников искусства. В 1920 г. эмигрировал в Константинополь, в 1920–1922 гг. — профессор Софийского университета. В 1922 г. переехал в Прагу, где преподавал в Карловом университете.

¹¹ Малер Елизавета (Эльза) Эдуардовна (1882–1970) училась в Москве, эмигрировала из России в 1920 г. Фольклорист, профессор славистики Базельского университета. Участница экспедиций в Печорский край в конце 1930-х гг.

¹² Гандшин Яков Яковлевич (Handschin; 1886–1955) — российско-швейцарский органист и музыковед. В 1920 г. уехал в Швейцарию, работал органистом. С 1930 г. — профессор истории музыки в Базельском университете. С 1936 г. — вице-президент Международного общества музыковедения.

¹³ Приложена вырезка из газеты (без выходных данных) с фотографией звонницы и текстом: «Восстановление Никольского храма в Петсерском монастыре для возвращения ему искаженного временем древнего прекрасного облика, как мы уже писали, близится к концу. Наша фотография изображает звонницу храма, частью уже восстановленную в первоначальном виде. Работы ведутся под непосредственным наблюдением знатока старины писателя Леонида Зурова, прибывшего из Парижа и проводящего в монастыре лето». Возможно, это публикация в таллинской ежедневной газете «Вести дня», где работам Зурова в Печерском монастыре было посвящено более десяти заметок в апреле–июле 1935 г. (см.: [Пономарев 2014, с. 234–239]).

На вырезке надпись Л. Зурова: «Леса сняты. Звонница покрыта (по два ската на звон. Смот<р>ите) рисунок, помещенный в «Отчине» на стр. 46-й».

¹⁴ Здесь и далее Зуров цитирует (с мелкими неточностями) статью: *Рабинович Г.И.* Архитектурный ансамбль Псково-Печерского монастыря // Архитектурное наследство. Вып. 6. М., 1956. С. 57–86. Подробнее об оценках Л. Зуровым этой работы см.: [Пономарев 2014, с. 315–316].

¹⁵ «Сокровища русского зодчества» — серия книг по истории архитектурных памятников древних русских городов, православных монастырей, дворянских усадеб. Выпускалась Издательством Академии архитектуры СССР в 1944–1960 гг. Л. Зуров имеет в виду выпуск: *Лавров В., Максимов П.* Псков. М., 1950.

¹⁶ Перцов Константин Александрович (1899 — после 1960) — архитектор, теоретик архитектуры, общественный деятель. Сын архитектора А.Н. Перцова.

¹⁷ А. Морозов — псевдоним журналиста Альфреда-Алексея Людвиговича Вирбелазуэра [Там же, с. 316].

¹⁸ К письму приложен лист с наклеенной фотографией и подписью: «Снимок Л.Ф. Зурова. Вот в каком виде была звонница Никольского храма в Псково-Печерском монастыре. Это начало реставрационных работ. Весна 1935 года. Мы сняли крышу с фальшивой главкой и часть тамбура. Все было обломано! Покажите, пожалуйста, эту фотографию Г. Рабиновичу. Очень Вас прошу эту фотографию сохранить».

¹⁹ Маркел (в миру Николай Романович Радышевский; ум. 29 ноября 1742) — игумен Псково-Печерского монастыря в 1724–1726 гг.

²⁰ Минин Михаил Иванович (1890–1939) — сотрудник льняной фабрики в Печорах, участник Печорского просветительского общества [Пономарев 2014, с. 316].

²¹ *Успенский А.И.* Царские иконописцы и живописцы XVII века: [Т. 1–4]. М., 1910–1916.

²² Имеется в виду Заболоцкий Павел Петрович (в монашестве Пафнутий), участник походов Ливонской войны, архитектор, строитель церкви Николы Ратного в Псково-Печерском монастыре (1565).

²³ Имеется в виду посвященный исследованию Печорского края очерк «Обитель» (здесь ошибочно названный «Отчиной»): *Зуров Л.Ф.* Обитель // Новоселье: Ежемесячный литературно-художественный журнал. Нью-Йорк, 1946. № 29–30 (октябрь–ноябрь). С. 35–54.

²⁴ Корнилий Псково-Печерский, преподобномученик (1501–1570). Игумен Псково-Печерского монастыря в 1529–1570 гг. Убит Иваном Грозным во время его похода на Псков.

²⁵ Золотницкий Жак (Яков) — владелец парижского антикварного салона «A La Vieille Russie» («В старой России»). Предоставлял экспонаты своей коллекции для выставок, проводимых обществом «Икона» в 1948 и 1952 гг.

²⁶ Ульянов Михаил Петрович (1882–1940) — церковный живописец, реставратор. Родился в Нарве, учился в Петербурге, после 1917 г. поселился в Эстонии, реставрировал иконы в Печерском монастыре.

²⁷ Конюс Татьяна Сергеевна (урожд. Рахманинова; 1907–1961) — пианист, педагог, общественный деятель. С 1947 г. член правления Российского музыкального общества за границей. С 1957 г. вице-председатель комитета, возглавляющего детский дом в Монжероне (под Парижем).

²⁸ Детальные сведения о судьбе архива Л. Зурова в годы войны см.: [Пономарев 2014, с. 309–310].

²⁹ Алексеев Александр Иванович (наст. фам. Шитов; 1913–2001) — дипломат, посол СССР в ряде стран, сотрудник службы внешней разведки. С 1944 по 1947 г. был атташе по вопросам культуры посольства СССР во Франции и представителем Всесоюзного общества культурной связи с заграницей.

³⁰ ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, основано в 1925 г. Занималось организацией международных выставок и фестивалей, поездок в СССР делегаций зарубежных обществ дружбы.

³¹ Баранов Владимир Николаевич (1897–1985) — инженер, геофизик. Жил в Париже. Малинин Михаил Владимирович (1900–1977) — египтолог. В 1923 г. эмигрировал в Прагу, с конца 1930-х жил в Париже.

³² Рыбаков Борис Александрович (1908–2001) — археолог, исследователь славянской культуры и истории Древней Руси. Академик РАН.

³³ Тальгрэн Арне Михаэль (Tallgren; 1885–1945) — финский историк и археолог, профессор Тартуского (1920–1923), Хельсинкского университетов, председатель финского археологического общества в 1930–1942 гг. Неоднократно участвовал в археологических раскопках на территории России.

³⁴ Зуров Л.Ф. Марьянка. Париж, 1958.

³⁵ Зуров допускает ряд ошибок в датах и именах, обозначенных на надгробиях в Печерском монастыре. Причину этого, а также правильные сведения см.: [Пономарев 2014, с. 270, 318–319].

³⁶ Кандинская Нина Николаевна (урожд. Андреевская; 1899–1980) — жена художника, теоретика искусства, педагога Василия Васильевича Кандинского (1866–1944). Эмигрировала в Германию в 1921. В Париж приехала в 1933 г. После смерти мужа посвятила себя его художественному наследию. Организатор мемориальных выставок В. Кандинского, Н. Гончаровой и М. Ларионова. Выпустила книгу воспоминаний «Kandinsky und ich» («Кандинский и я») (Мюнхен, 1976). Одно из писем А.М. Ремизова В.В. Кандинскому опубликовано в газете «Русская мысль» (1984, 22 ноября, № 3544).

³⁷ Орлова Вера Александровна (1876–1964) — художник, иконописец. После революции эмигрировала в Париж, занималась графикой и живописью. Автор гравированных портретов Л.И. Шестова и А.М. Ремизова (1931), которые передала в дар Русскому культурно-историческому музею в Праге. Член общества «Икона» в Париже. В 1932 г. приняла постриг с именем Феодосия. Последний год жила в Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа.

³⁸ Фотокопия офорта — портрета Ремизова (с подписью «Orlowa, 1930») прислана В.А. Орловой в Пушкинский Дом в 1958 г. (Литературный музей ИРЛИ. ПД / 31209).

В.И. МАЛЫШЕВ — Л.Ф. ЗУРОВУ

17 марта 1958 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Ваше письмо со сведениями о постройках Псково-Печерского монастыря получил. В тот же день снял с него копии, переснял фотографии и послал в музей г. Печор (Псковской области), Академию архитектуры и археологам Михаилу Григорьевичу Рабиновичу и Павлу Александровичу Раппопорту¹. Показывал письмо и проф<ессору> Б.А. Рыбакову (он делал у нас на секторе доклад на тему «Летописец великого князя Изяслава Мстиславича»). П.А. Раппопорт сейчас специально занимается изучением старинных построек северо-западной части СССР, и ему письмо было очень кстати. Вы можете и сами ему написать. Вот адрес: Ленинград, Дворцовая набережная, д. 16, Институт истории материальной культуры АН СССР, ст. научному сотруднику Раппопорту.

Надеюсь, что моя книга «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» до Вас уже давно дошла.

Если Вам что-нибудь попадет на глаза о протопопе Аввакуме, осаде Пскова Стефаном Баторием и Густавом-Адольфом, заметьте для меня.

С наилучшими пожеланиями,

В. Малышев

P.S. Художница Орлова может прислать портрет А.М. Ремизова или на мое имя, или же прямо на наш музей. Будем ей благодарны за это. Кандинская тоже может выслать нам письма Ремизова, у нас хранится весь его дореволюционный личный архив. Вообще, помните, что в Ленинграде существует Пушкинский Дом с крупнейшим в Советском Союзе литературным архивом. Если Вам нужны присланные мне фото церкви Псково-Печерского монастыря, я верну их Вам.

Нет ли у Вас фото (для переснятия) хоругви XVI в.?

В.М.

17.III.58 г.

Авторизованная машинопись.

¹ Раппопорт Павел Александрович (1913–1988) — археолог и историк архитектуры, доктор исторических наук. Работал в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР. Автор трудов о крепостном и храмовом древнерусском зодчестве.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

9 марта 1958 г. Париж

9 марта 1958 г. Paris

Многоуважаемый Владимир Иванович,

«Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» я получил. Сердечное спасибо. Очень обрадован. Беседовал я с Резниковой. Наталья Викторовна дико устала. Заканчивает корректуру книги А.М. Ремизова (она ее перевела на фр<анцузский> язык)¹. Скоро она Вам напишет большое письмо. Просила передать Вам сердечный привет. В.П. Никитин болен. Была больна и его жена. А.Г. Дедов Вам уже написал. Он беседовал с Д. Джапаридзе. Говорил с Давидом Александровичем и я. Он очень жаловался: «Сколько раз я запрашивал Публичную библиотеку в Ленинграде и Москву. Ни на одно письмо мне не ответили». Вашу книгу он получил и Вам уже написал.

Радует меня, что Вы привезли более 300 рукописных книг с северной Печоры. Надеюсь, что Вы получили мое громадное письмо.

Желаю Вам доброй работы.

Л. Зуров

Открытка с видом Вандомской площади в Париже.

¹ Речь идет о переводе книги А.М. Ремизова «Подстриженными глазами. Книга узлов и закрут памяти» (Париж, 1951): *Remizov A. Les yeux tondus. Nouvelles / trad. du russe par Natalie Reznikoff; préface de Marcel Arland. P., 1958.*

Л.Ф. ЗУРОВ — В.И. МАЛЫШЕВУ

9 апреля 1958 г. Париж

Париж, 9 апреля 1958 года.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Книгу Вашу — «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» — я получил и сразу же послал Вам открытку. Спасибо сердечное. Получил и Ваше письмо от 17.III. Мне, право, совестно, — столько я доставил Вам хлопот и забот. Вчера пришло письмо от директора Печорского музея. В нем М.С. Вильниц сообщает, что только что получил от Вас сведения*, что экспедиционный отчет находится где-то в Москве. М.С. Вильниц извещает меня, что воинская хоругвь XVI в. уцелела и находится в Успенском соборе. В старинном монастырском рукописном сборнике (бумага была голубая), в котором находилась запись о установленных издревле крестных ходах, было упомянуто и о старой хоругви.

Осенний печорский крестный ход был установлен тогда по совету осадных людей в память избавления Печор, Изборска, Пскова и Острова от Стефана Батория**. Вот как в рукописи старинной об этом крестном ходе было сказано: «*да незабвенно будет родам грядущим во веки*». До 1918 г. каждую осень крестный ход отправлялся из Печор по старой изборской дороге во Псков, а потом и в Остров. Его встречали, как и в древности, все окрестные деревни и села. В этом крестном ходе люди несли иконы, прибывшие когда-то в Псков на осаду. Всегда впереди этих икон (украшенных привесами Грозного, Годунова, московских царей) несли воинскую печорскую хоругвь. В древности, по рассказам печорских стариков, ее несли на стяге стрельцы, а потом, когда стрельцов отменили, то вокруг хоругви шли хоругвеносцы — рыбаки и крестьяне, самые выносливые люди, что сменяли все время друг друга. По словам 90-летних стариков, хоругвь сняли со стяга после того, как ее уронили — ее с тех пор поставили на носилки***. В древних переписных книгах было сказано, что эта хоругвь находится в Никольской церкви****. Ее почитала вся Псковская земля.

Я рад, что немцы ее не увезли. В 1937 г. хоругвь была сфотографирована кондаковцами, и Н.Е. Андреев должен был ее описать.

Я три раза был у художницы Орловой. Вы скоро получите портрет Ремизова и письмо с краткой историей офорта. Орлова выехала из Москвы еще до войны 1914 года и во время русской революции проживала в Париже, работая во французской художественной среде. Она пользуется заслуженно всеобщей любовью и уважением. Очень любит древнее искусство, Рублева. Французы ценят ее портреты Паскаля и Льва Шестова. Последнее время Орлова недомогала. Ослабело сердце. Ведь ей 82 года.

Никитин шлет Вам привет. Эта зима была для него, — как он мне пишет, — «не-милосердна». Борется он с коховскими палочками изо всех сил. «Но на этот раз, —

* Спасибо.

** Это пишу для Вас. Боюсь, что рукописный сборник этот увезли немцы.

*** Это я со слов стариков записал в 1937 г.

**** Потом ее перенесли в пещерный Успенский собор.

пишет он, — дело затянулось. Уже пятый месяц... не знаю, надолго ли еще меня хватит. Сейчас как будто бы его “второй звонок”...». Но Никитин не прекращает работы — пишет он предисловие к сборнику избранных персидских рассказов, готовит к изданию и курдский текст. «Но на горизонте ряд других работ. Так, например, хочется для Малышева написать о “Кукушкиной”¹. Кланяйтесь ему от меня».

С Н.Н. Кандинской я поговорю относительно переписки Ремизова с ее мужем. Кандинская была у нас после возвращения из Москвы (она там была на Масленой) и в продолжение 4 часов рассказывала нам о своих впечатлениях.

Из Печор меня запрашивают относительно фотокопий с материалов, хранящихся в Музее человека. Это легко сделать. Фотокопии они получают, и я им помогу отобрать все необходимое для музея, но надо, чтобы в Музей человека советское научное учреждение обратилось письменно. И письмо это надо написать по-французски*. Есть ли в Печорах люди, знающие французский язык? Пожалуйста, помогите им.

Если Вам фотографии уже не нужны, то, пожалуйста, пришлите их мне.

Спасибо за адрес П.А. Раппопорта. Но я не знаю, что его интересует. Работа была проделана в Изборском краю большая. Часть материалов 1938 года лежит у меня в чемодане.

Приехала в Париж проф<ессор> Малер. Видел ее 2 раза. Говорила о Вас. Она перед отъездом получила Вашу книгу. Шлет Вам привет.

Желаю Вам доброй и успешной работы.

Ваш Л. Зуров

Еще раз спасибо за помощь. Скоро напишу Вам дополнительно. Отвечу и пещерянам. Желаю Вам светлых и радостных дней. Л.З.

¹ Так называлась одна из комнат в квартире Ремизова, служившая кабинетом и спальней, на стене которой висели часы с кукушкой. В.П. Никитин, друг и сосед А.М. Ремизова по дому 7 на ул. Буало, помогал писателю в быту и литературных делах. Оставил воспоминания о «Кукушкиной», см.: [Никитин 1994].

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

12 апреля 1958 г. Париж

12. IV. 58 L. Zouroff, 1, rue J<acques> Offenbach, Paris 16e, France

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

получил сегодня очень милый подарок от П.А. Раппопорта («Крепостные оружия Древней Руси»)¹. Орлова Вам уже послала портрет Ремизова. Очень она жалуется на сердце. Боюсь за нее.

Вам шлю самый сердечный привет и желаю здоровья и доброй работы.

Уважающий Вас

Л. Зуров

* Экспедиционные фотографии находятся в фототеке музея — Photothèque Musée de l'Homme (Cliché Zouroff). А большие печорские боговики хранятся в Департаменте Европы (Musée de l'Homme. Paris).

Открытка с видом шпиля Нотр-Дам.

¹ Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 2. Крепостные сооружения Древней Руси / под ред. Н.Н. Воронина. М., 1952. (Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). Вып. 31). В этом томе помещено исследование П.А. Раппопорта «Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв.».

В.И. МАЛЫШЕВ – Л.Ф. ЗУРОВУ

17 апреля 1958 г.

17.IV.58 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Возвращаю Вам фотографии. Мы пересняли их и послали в Печорский музей, Академию архитектуры, археологам Раппопорту, Рабиновичу и Косточкину¹. Большое Вам спасибо за присылку фотографий. В.А. Орлова портреты А.М. Ремизова прислала. Музей ее поблагодарит. Портрет Л. Шестова тоже может прислать. Пусть шлет прямо на адрес музея. В Печорском музее французский язык знает сам зав. музеем, но Вы напишите ему, как и куда послать письмо во Францию о печорских материалах.

Не печаталось ли в парижских газетах в 1957 г. о протопопе Аввакуме (было 275 лет со дня его смерти)? Н.Е. Андреев не ответил мне на открытку. Проф<ессору> Малер от меня кланяйтесь. Я ее некоторые работы по фольклору знаю и ценю. Был бы рад узнать ее отзыв о моей книге о Сухане, она ведь на 50 % фольклору посвящена.

Всего Вам хорошего.

В. Малышев

P.S. Передайте, пожалуйста, В.П. Никитину, что я желаю ему здоровья, что вырезку из газеты о Пушкине я получил и передал в наш Пушкинский кабинет. А вот Н.В. Резникова и А.Г. Дедов мне не отвечают на письма.

В. Малышев

Портрет А.М. Ремизова. С офорта В.А. Орловой. 1930 г. Дар художницы Пушкинскому Дому, 1958 г. (Лит. музей ИРЛИ. ПД / 31209)

Автограф, чернила.

¹ Косточкин Владимир Владимирович (1920–1992) — архитектор-реставратор, историк, искусствовед, специалист по древней русской архитектуре, автор книг и статей по истории крепостного оборонного зодчества. Заслуженный архитектор РСФСР (1990). В письме к В. Малышеву от 15 апреля 1958 г. он выразил благодарность: «От всей души благодарю Вас за копии с писем Л.Ф. Зурова. <...> О том, что в 1935 г. в Псково-Печерском монастыре велись реставрационные работы, я знал и раньше. Однако присылка Вами копий писем Л.Ф. Зурова раскрыла мне и имя их автора. <...> С ним я обязательно спишусь в самое ближайшее время» (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 658. Л. 1–1 об.). Переписка Л. Зурова и В. Косточкина 1958–1960 гг. находится в ДРЗ (Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 49. Л. 23–69). Часть писем Л. Зурова опубликована, см.: [Пономарев 2014, с. 55–72].

В.И. МАЛЫШЕВ — Л.Ф. ЗУРОВУ

7 мая 1958 г.

7.V.58 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Сейчас вот мне попала на глаза вырезка из «Псковской правды» о Псково-Печерском монастыре. Если эта газетная вырезка будет Вам полезна (она посылается в этом письме), буду рад¹. Главным исследователем архитектурных особенностей Псково-Печерского монастыря сейчас является Косточкин В.В. Ваше письмо он получил и собирается Вам написать, если уже не написал: я встречался с ним около м<еся>ца назад.

Если Вас не затруднит, позвоните, пожалуйста, А.Г. Дедову и передайте ему, что письмо его (с вырезкой из газеты) я получил и благодарю его. Не может ли он прислать еще один экземпляр этой статьи (для В.П. Адриановой-Перетц²)? Получил я письма (с газетами об А.М. Ремизове) от В.П. Никитина. Большое спасибо ему. Газеты я передал в Отдел рукописей нашего института. Ученые дамы этого отдела обещали его поблагодарить. Если Вы встречаетесь с В.П. Никитиным, кланяйтесь ему от меня, скажите, что я желаю ему скорейшего выздоровления.

Прошу Вас, все, что встретите об Аввакуме, даже мелкое, газетное, запишите. Не появлялось ли во Франции в 1957 г. газетных и журнальных информаций о 275-летию со дня смерти протопопа Аввакума? Орлова портрет Льва Шестова пусть присылает. Можно прямо на адрес нашего музея.

Всего Вам хорошего.

В. Малышев

Автограф, чернила.

¹ К письму приложена вырезка: *Малеванов И.* Новое о Печорской крепости // Псковская правда. 1954. 26 июня.

² Адрианова-Перетц Варвара Павловна (1888–1972) — литературовед, специалист в области исследования древнерусской сатиры, фольклора, поэзии, религиозных преданий XI–XVII вв. В 1947–1954 гг. заведующая Сектором древнерусской литературы ИРЛИ РАН.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

3 июня 1958 г. Париж

Париж, 3 июня 1958 года.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Очень меня обрадовало известие о сделанных Вами ценнейших находках — двух писем протопопа Аввакума. Сердечно поздравляю. Большое событие. Спасибо за присланную вырезку «Новое о Печерской крепости»¹. Опись 1589 г. чрезвычайно важна для ученых. Представляю, как был доволен В.В. Косточкин, работа которого о Ивангородской крепости² исключительно хороша. Я знал, что когда-то из Печерского монастыря были забраны рукописные книги (среди них была Кормчая книга. А ведь, судя по старой описи, в Печорах хранились и летописные своды).

Простите за долгое молчание. Был завален работой. Я ответил В.В. Косточкину, М.С. Вильницу и написал Раппопорту³. Письма были основательные. Пришлось порыться в архиве. Я рад, что посланные мною сведения понадобились ученым. Вчера получил письмо от Г.И. Рабиновича⁴. Скоро отвечу и ему. А работы много. Был занят корректурами. Издавать сейчас книгу — дело сложное. К счастью, у меня около 300 подписчиков в разных странах (предварительная подписка). Рабинович меня запрашивает об иконе с архитектурным рисунком, но я не знаю, уцелела ли она. Из Печорского музея Вильниц мне написал, что Вы сообщили ему, что где-то в Москве найден мой экспедиционный отчет⁵. Извещаю Вас, что к отчету приложено было большое количество экспедиционных работ с кроками⁶ (обследование Изборска, Печорского края, топонимика и т. д.). Разрешите уведомить через Вас Академию наук, что часть экспедиционных материалов 1938 года (курганы и древние поселения по реке Абдехе; поселения, городцы и курганы по берегу Псковского озера; Кулье и остров Колпино, Лютов лес и т. д.) лежит до сих пор в моих чемоданах (вместе с экспедиционными кроками) в неразобранном виде. После войны я не мог эти материалы привести в порядок и послать в Академию наук (не по своей вине). Боюсь, что без этих данных (кратко об обследовании этих мест сказано в экспедиционном отчете. Такой же экспедиционный отчет находится и в Музее человека) археологам и этнографам работать будет иногда трудновато, так как (в 1938 г.) я получал сведения от старых рыбаков, которых теперь уже в живых нет. Возможно, нет в живых и тех рыбаков, которые мне помогли наметить племенную древнюю границу двух говоров (акающего и окающего. Кривичей и новгородских славян).

Видел Никитина. К счастью, он оправился, начал выходить. Сидел с ним под каштанами и беседовал. Я ему прочел выдержку из Вашего письма. Он был очень обрадован. Просил Вам кланяться.

Посылаю для В.П. Адриановой-Перетц вырезку из парижской газеты. Постараюсь раздобыть и то, что было напечатано в парижских газетах о протопопе Аввакуме в 1957 г., но это трудно.

Н.Е. Андреева я, возможно, в июле увижу. Сейчас у него горячее время.

В Кембридже идут экзамены. Е.Э. Малер я написал. Она получила письмо из Таллина, от знакомой учительницы, которую когда-то и я встречал в деревне Городище. А в Городище жили изумительные певцы*.

Был у художницы Орловой. Она получила от Литературного музея благодарность. Я видел этот вырванный из блокнота листок, и, признаться, меня несказанно удивило, до чего сухо и формально было написано коротенькое извещение. Это, конечно, мое мнение. Орлова на редкость добрый и сердечный человек. Но мне, признаться, за нее стало больно. Ведь так-то она, несмотря на возраст и больное сердце, старалась, — искала конверт, писала сопроводительное письмо, ходила на почту**.

Г.И. Рабинович пишет, что Вы в конце июля уезжаете в Печоры. От всего сердца желаю Вам плодотворной работы. Благодарю Вас за милые письма. Мне очень приятно, что некоторые из сведений, которые я Вам сообщил, оказались полезными. В.В. Косточкину и Раппопорту я послал кое-что дополнительно. Из Печор ответа еще нет.

Всего Вам хорошего.

Л. Зуров

Н.В. Резникова выпустила свою книгу⁸. Я читал рецензию в газете «La Monde». Перевод хвалят. Наталья Викторовна послала Вам книгу и рецензии. Она замоталась. Просила передать Вам привет.

¹ См. примеч. 1 к письму Малышева от 7 мая 1958 г.

² *Косточкин В.В.* Крепость Ивангород // *Материалы и исследования по археологии СССР*. М., 1952. № 31. С. 224–317.

³ Письма Л. Зурова В. Косточкину 1958–1960 гг. см.: [Пономарев 2014, с. 55–72]; М.С. Вильницу — [Там же, с. 72–78]; П.А. Раппопорту — [Там же, с. 78–82].

⁴ Переписку Л.Ф. Зурова с Г.И. Рабиновичем см.: ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 98.

⁵ Письмо М.С. Вильница Л.Ф. Зурову от 23 марта 1958 г. опубликовано (с купюрами): [Пономарев 2014, с. 334–335]. Сведения об обнаружении отчета оказались неверными.

⁶ Кроки — наброски, рисунки, фиксирующие общий композиционный замысел архитектурного сооружения, элементы местности и т. п.

⁷ Видимо, портрет Л. Шестова В. Орлова не прислала: в коллекции Литературного музея ИРЛИ он не числится.

⁸ См. примеч. 1 к письму от 9 марта 1958 г.

* Городищенский хор. Печорский край.

** Портрет Льва Шестова она пришлет⁷.

В.И. МАЛЫШЕВ — Л.Ф. ЗУРОВУ

7 июля 1958 г.

7.VII.58 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Ваше письмо и книги получил. Все передал по назначению. Большое спасибо. Завтра вышлю Вам несколько оттисков своих статей. Я только сегодня приехал с Печоры, занимался там поисками древнерусских рукописей. В этом году нашел 75 рукописных книг XV–XIX вв. Июнь м<еся>ц на Печоре был очень мокрый и холодный, поэтому я немного устал. Очень рад тому, что Вы завязали связи с нашими археологами. В Париже прошу передать от меня поклоны Н.В. Резниковой (все посланное ей Институт получил), В.П. Никитину и А.Г. Дедову.

Всего Вам хорошего.

В. Малышев

Почтовая карточка.

Л.Ф. ЗУРОВ — В.И. МАЛЫШЕВУ

27 июля 1958 г. Эдинбург

27 июля 1958 г. Эдинбург.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

сегодня получил Вашу открытку. Мне ее переслали из Парижа. Спасибо. Радуюсь Вашим успехам. 75 рукописных книг XV–XIX вв. — это не шутка! Поздравляю. И в Шотландии царит прохлада, с океана наносит дожди. Ездил два раза к морю. Сколько птиц! На карточке — Tantallon Castle¹. Место чудесное. Там, в море, играют молодые тюлени.

Прошу Вас передать мой привет В.В. Косточкину и П. Раппопорту. Всего Вам хорошего.

Л. Зуров

Открытка с видом замка Танталлон (Tantallon Castle and the Bass Rock, East Lothian).

¹ Танталлон — средневековый шотландский замок, расположенный в области Восточный Лотиан, недалеко от города Норт-Бервик.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

30 августа 1958 г. Эдинбург

30 августа 1958 г.
Привет из Шотландии.
Л. Зуров

Открытка с видом замка Стирлинг (Stirling Castle).

В.И. МАЛЫШЕВ – Л.Ф. ЗУРОВУ

15 сентября 1958 г.

15.IX.58 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Первую и вторую открытку Вашу получил. Большое спасибо. Получил письмо и от Н.Е. Андреева (с библиографией по протопопу Аввакуму)¹. Передайте ему от меня благодарность. Вас тоже благодарю. Это наверняка он сделал при Вашем содействии. Записные профессора не очень охотно отвечают. Два дня как приехал со съезда славистов. Разговаривал там с проф<ессором> Малер. Какая же она немка, она скорее похожа на русскую поповну. Всего Вам хорошего.

В. Малышев.

Кланяйтесь от меня А.Г. Дедову

Почтовая карточка.

¹ Данную библиографию Н.Е. Андреев прислал В.И. Малышеву в письмах от 24 августа и 7 декабря 1958 г. (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1411. Л. 6–8 об.).

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

1 октября 1958 г. Эдинбург

Эдинбург, 1 октября 1958 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович, спасибо за милую открытку от 15 сентября с. г. Обрадовало меня, что Вы получили письмо от Н.Е. Андреева с библиографией по протопопу Аввакуму. Я и в Эдинбургском университете навел справки, но местный библиотекарь смог только отыскать известную Вам отлично книгу Паскаля и статью Святополк-Мирского¹.

Н.Е. Андреев прислал мне интересное письмо с описанием конгресса советских и английских историков в Лондоне². Получил я недавно письмо и от

проф<ессора> Малер. Она от Вас в восторге³. Письмо чрезвычайно трогательное. Вспоминаю, как она беседовала в Печорском краю со старухами и городищенскими певицами. Она познакомилась и с Гудзием, Лихачевым, Виноградовым⁴. «Сразу столкнулись. Я не чувствовала себя слависткой, а просто русским человеком».

В Шотландии я под Крифом обнаружил кельтское городище, а близ него камень с выбитыми на нем треугольниками. Вчера закончил археологический отчет.

Судя по рассказам друзей, конгресс славистов был весьма интересным и плодотворным.

В Эдинбурге я прочел довольно редкую книгу: «Annales de la Petite-Russie; ou Histoire des cosaques-saporogues et des cosaques de l'Ukraine, ou de la Petite-Russie, depuis leur origine jusqu'à nos jours; suivie d'un abrégé de l'histoire des hettmans des cosaques, et des pièces justificatives: traduite d'après les manuscrits conservés à Kiow, enrichie de Notes»⁵.

В ней есть место о пожаре в Печерском монастыре (Киево-Печерском, я думаю), во время которого погибло много древних рукописей. Об этом я до сих пор не знал. Возможно, что эта книга имеется у Вас (2 тома). На всякий случай я для Вас сделал выписку:

Стр. 196. Том II.

«Un incendie considérable consume l'église et le couvent de Petscherski, avec la superbe bibliothèque qui en faisoit l'ornement. Cette bibliothèque, vrai trésor pour la Russie, contenoit tous les mémoires concernant l'histoire des tems les plus reculés de cet empire, une infinité de manuscrits rares et précieux, dont plusieurs étoient écrits en caractères inconnus, même aux plus savans. Le czar à la triste nouvelle de cette perte irréparable ne put retenir ses larmes»⁷.

Год пожара 1718.

Еще раз спасибо за весточку. В прошлой открытке Вы писали о том, что посылаете мне отски Ваши работ, но я их еще не получил.

От всей души желаю Вам здоровья и хорошей работы.

Л. Зуров

P.S. Хочу сообщить Вам, что в Эдинбургском городском музее находится много русских вещей — резные прялки, ковши, а также исключительно ценная для этнографа коллекция русских статуэток 19 века в национальных костюмах. Все эти статуэтки расписаны талантливым художником. Крестьянские одежды и головные уборы (Новгород, Псков, Кострома, Смоленск, Мордва и многие другие) исключительно тонко выполнены. Даже вышивки детально воспроизведены. Об этой коллекции, вероятно, мало кто знает. Показывал мне побывавший в Москве ассистент Эдинбургского университета открытки с областными костюмами, купленные им в России, и я пожалел, что издательству и художнику не была известна эдинбургская коллекция.

Л.З.

* Par Jean-Benoit Scherer, Pensionnaire du Roi, Employé au Bureau des affaires étrangères... ci-devant Jurisconsulte du collège impérial de justice à Saint-Pétersbourg pour les affaires de la Livonie, d'Estonie et de la Finlande. <Tome second.> A Paris, Chez Cuchet, Libraire, rue et hôtel Serpente. M. DCC. LXXXVIII. Avec Approbation et Privilège du Roi⁶.

¹ *Pascal P. Avvakum et les débuts du raskol. La crise religieuse au XVII-e siècle en Russie.* P., 1938 [*Паскаль П. Аввакум и начало раскола. Религиозный кризис XVII века в России*]; *Святополк-Мирский Д.* О Московской литературе и протопопе Аввакуме // *Евразийский временник.* 1925. Кн. 4. С. 338–350.

² Письмо Н.Е. Андреева Л.Ф. Зурову от 21 сентября 1958 г. см.: [Переписка Андреева и Зурова 2013, с. 182–184].

³ После знакомства на конгрессе завязалась их переписка. См. письма Е. Малер к В. Малышеву 1958–1963 гг.: РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1497.

⁴ *Виноградов Виктор Владимирович (1895–1969)* — литературовед, лингвист. Академик АН СССР, член Болгарской академии наук, почетный доктор Пражского университета.

⁵ «Летопись Малороссии, или История казаков-запорожцев и казаков Украины, или Малороссии, от их возникновения до наших дней; сопровождаемая краткой историей казачьих гетманов и подтвержденная документами: переводами рукописей, хранящихся в Киеве, и дополненная примечаниями» (*франц.*).

Эта книга французского и немецкого историка, географа, дипломата Жана-Бенуа (Йоганна-Бенедикта) Шерера (Scherer; 1741–1824) вышла во Франции в 1788 г.

⁶ Жан-Бенуа Шерер, королевский пансионер, сотрудник Комитета иностранных дел... бывший юрисконсульт Императорской коллегии юстиции в Санкт-Петербурге по делам Ливонии, Эстонии и Финляндии. <Том второй>. Париж, книгоиздательство Кюше, улица и отель Serpente. 1788. Печатается с разрешения цензуры (*франц.*).

⁷ «Значительный пожар истребил церковь и Печерский монастырь с великолепной библиотекой, которая была его украшением. Эта библиотека, настоящее сокровище России, содержала все материалы, касающиеся истории самых далеких времен этой империи, бесконечное число редких и ценных рукописей, среди которых имелось несколько, написанных буквами, не известными даже самым ученым людям. Царь, получив известие об этой непоправимой потере, не смог сдержать свои слезы» (*франц.*).

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

11 декабря 1958 г. Париж

С Новым годом!

Л. Зуров

Новогодняя открытка. Датируется по штемпелю.

В.И. МАЛЫШЕВ – Л.Ф. ЗУРОВУ

15 декабря 1958 г.

15.XII.58 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Поздравляю Вас с наступающим Новым годом, желаю здоровья, счастья и творческих успехов. Скоро вышло Вам книгу об Изборске. Издала знакомая ученая дамочка¹. Получили ли Вы оттиски?

В. Малышев

Открытка с видом Пушкинского Дома.

¹ Т.Н. Михельсон. См. примеч. 1 к письму Л. Зурова В. Малышеву от 20 марта 1959 г.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

26 декабря 1958 г. Париж

Париж, 26.XII.58

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Спасибо за оттиски, присланные Вами (милую надпись) и альбом И. Ларионова¹. Один из оттисков я передал в Национальную библиотеку, а другой отправил Борису Константиновичу <Зайцеву>.

Читал Вашу работу «Собрание рукописей псковского областного краеведческого музея»² с чрезвычайным вниманием и, радуясь, говорил: какое счастье, что ценнейшие рукописи во время войны не погибли. Очень меня порадовали и фотографии, помещенные в альбоме И. Ларионова «Архитектура Пскова. Социалистический и древний Псков». Особенно хорош сделанный с большой любовью снимок: «Псков. Кремль (до реставрации)». Давно я хотел иметь фотографии Острова, Изборска и уцелевших памятников псковского зодчества.

Очень Вам благодарен.

Откровенно говоря, меня взволновал напечатанный в альбоме проект реставрации псковского Детинца (архитектора Хамцова³). Надеюсь, что проект попал в альбом случайно. Пишу Вам об этом, т. к. знаю, что Вы любите древний Псков. Вчера я отправил письмо московскому археологу В.В. Косточкину (стар<шему> науч<ному>) сотруднику Института истории искусств Академии наук СССР. Косточкин начал со мной переписку благодаря Вашему любезному содействию, вот

Псков. Кремль (до реставрации).

Из кн.: Ларионов И.Н. Архитектура Пскова. Псков, 1958

я и решил послать Вам копию моего письма)⁴. Пожалуйста, если это возможно, ознакомьте ленинградских реставраторов с выдержками из моих писем. Ведь дело касается Детинца — изумительного памятника древности.

Хочу Вам написать и относительно помещенной в альбоме статьи Ларионова.

«Необходимо отметить, — пишет он относительно реставрационных работ, произведенных после войны в разоренном древнем Пскове, — что в это время ряд архитектурных “теоретиков”, пользуясь почти полным разрушением Пскова, предложили и пытались восстановить город с полным подчинением его архитектуры <и жизни> сохранившимся древним памятникам с восстановлением исторических тропок, улочек и переулков. Появились ошибочные, порочные проекты <деревянного двухэтажного Пскова “с погребницами”>. Но в последующие годы жизнь областного центра внесла свои коррективы в развитие и планировку города. <Прежде всего> появились широкие магистрали и площади, дающие одновременно вести многоэтажную застройку, <озеленение и благоустройство улиц, хорошую перспективу для всестороннего просмотра памятников архитектуры>. <...> Пройдет немного лет. Ныне прекрасный, древний, но с каждым днем молодеющий город станет <еще более красивым административным центром>, индустриальным городом <нашей великой Родины>»⁵.

После войны в советских журналах, газетах и в иностранной прессе много писали о варварски разоренных немцами вечевых городах — Пскове и Новгороде, — как и о том, что во время войны русскую древность немецкое командование (с жестокостью потрясающей) решило стереть с лица земли, немецкий генерал отдал приказ: «На востоке культурных ценностей нет»⁶. И этот приказ отдали немцы, которые как зеницу ока оберегают свои старые города, для которых священным является не только каждый переулок в Нюрнберге, Мюнхене, Гейдельберге, но где каждая ведущая к башне древняя тропинка неприкосновенна, как и каждый камень.

После окончания войны искусствоведы с величайшей радостью узнали, что в советской печати опубликованы статьи, в которых сказано, что древние разоренные немцами города будут восстановлены с любовью, большим вниманием к характерным особенностям этих городов и что для восстановления будут привлечены ученые — реставраторы, искусствоведы, историки, то есть люди, не только обладающие знанием, но и наделенные творческим чутьем, любящие и чувствующие русскую древность. Я помню, как один историк искусства*⁷ говорил в Париже: «Какая чудесная работа открывается для археологов, историков и архитекторов. Даже Нередицу хотят восстановить. Молодежь нумерует там каждый камень. Как будет им благодарно потомство за творческую работу. Подумайте, до чего это прекрасно! Какое широкое поле открывается там для археологов. В древних городах будут восстановлены не только потерпевшие памятники зодчества, но и отстроены невысокие, не закрывающие древних церквей дома, сохранены древние жизненные артерии — улицы, переулки, и на малых тихих площадях, как в древних городах Италии, на радость всем будут красоваться памятники зодчества.

* Ныне академик.

Будут сохранены “лавицы” на Пскове — переходы и ведущие к воде, проложенные за тысячелетие спуски. Все будет сделано, и изумительный город — северная жемчужина — с древним Запсковьем и Завеличьем станет не только всенародной, но и мировой гордостью. Живой заповедник. И люди, приезжие, очутившись на зеленом берегу Великой, поблагодарят тех, кто для народа эти места любовно сохранил»⁸.

В те времена часто печатали фотографии опустошенного Пскова (залитого кровью расстрелянных немцами на Торговище людей). Все видели уцелевшие памятники. Уцелевший (на зеленом берегу) Мирожский собор, что расписан фресками еще до основания Берлина. Все радовались — будут восстановлены улицы и посажены сады. Когда писали: утверждена комиссия по охране памятников зодчества, которая получила особенные права⁹.

Конечно, все понимали, что за чертой заповедника возникнут новые (созданные умными архитекторами) улицы, которые не только не нарушат общего впечатления, но явятся органическим продолжением древнего города. Ведь теперь все возможно. Места много. Как хорошо, что строительство будет протекать под наблюдением подлинных знатоков. Древний город будет в почете. Молодежь приедет из южных городов: смотрите, до чего все здесь чудесно. Можно на месте изучать историю, на площадях читать лекции о древнем искусстве.

А вот теперь из работы Ларионова видно, что талантливых людей, любящих древность, людей, наделенных органическим чувством и ответственностью перед народом, кто-то окрестил «теоретиками». А было ожидание большой радости. Ведь народ любит свой седой Псков! А вот кто-то пошел против тех, которые хотели на весь мир прославить работу талантливых советских историков, строителей и археологов, сорвал творческую работу, о начале которой в газетах писали столь горячо. Что же там произошло? Кто на древнем месте, политом кровью расстрелянных немцами псковичей, приказал построить (у стены Детинца) кинотеатр? Почему древний Псков не получил право на подлинное научное восстановление? Почему ему отказано в том, в чем не отказано Мюнхену и Нюрнбергу?..

В областном сборнике творческие люди названы «теоретиками», а те, что хотят превратить единственный в мире изумительный город в Харьков, Ставрополь (или же в предместье Лиона), гордо считают себя органическими людьми. Ведь это они воздвигли здание кинотеатра около Детинца и, откровенно говоря, самым жесточайшим образом пошли походом на древность, которая не враждует с современностью.

Какое счастье, что этим людям не позволили закрыть высокими зданиями Московский Кремль. Они бы с удовольствием рядом с прекрасно реставрированным ныне собором Василия Блаженного, конкурируя с ним, построили бы свои высокие дома. Надо сказать, что сейчас в Европе появилась туча таких «чудо-строителей», которым все равно — где, на каком месте возводить высокое здание. Они древности не видят, да об этом и не думают. Дайте такому волю, он и Дворцовую площадь использует, а на Марсовом поле возведет высоченный дом. И обязательно начнет строить все так, чтобы его безлика, схваченная с чужих образцов архитектура победила бы не только Адмиралтейскую иглу, но и колокольню Пе-

тропавловской крепости. К счастью, от таких «чудо-строителей» оберегают центры русских, итальянских, французских и шотландских городов. В центре шотландской столицы Эдинбургский замок высится на поросших травой громадных диких скалах, в расщелинах которых вьют гнезда птицы. В Эдинбурге сохранены все ведущие к замку тропы. Молодежь в праздничные дни отдыхает на поросших травой склонах своего древнего городища, любясь полетом чаек, наблюдая, как внизу живет большой город. В центре Эдинбурга шотландцы оберегают и вторую чудесную гору (Артур-Сити) с руинами древнего монастыря, с тремя озерами, на которых жирует перелетная дикая птица, с вечно зелеными пастбищами, на которых пасутся (в центре столицы) стада овец. Там, уйдя от столичного шума, горожанин может бродить по диким тропинкам и полянам, совершенно забыв о том, что рядом находится город. Там народ отдыхает.

Попробуйте в центре французского древнего города сдвинуть старинную улицу, расширить площадь. Этого сделать не позволят. Почему Псков оказался несчастным городом?

В 1937 году, перед войной, в Старый Изборск приехал самоуверенный (разбогатевший на подрядах) делец. Он хотел и под Изборской крепостью застроить все свободное место. Когда ему А.И. Макаровский¹⁰ (ныне покойный) начал рассказывать о древности изборских стен и башен, делец, смеясь, ответил:

— Да на что они нам. Что, мы эти стены лизать будем!

Вот такие дельцы, часто прикрываясь хозяйственными целями, уничтожили множество памятников древности. Такими людьми была уничтожена дивная древняя звонница на острове Колпине (Псковское озеро), древняя церковь со звонницей в погосте Печки* (разобрана на камни), сломано чудесное крыльцо (на круглых псковских столбах) в Сеннской церкви** (для современников вход стал узок)...

Вот такие люди, для которых, очевидно, не существует культурных памятников, занимаясь строительством, хотят вытеснить древность или в задний угол ее загнать. Они идут на нее походом, вооруженные линейкой, желая по своему вкусу перестроить все, и так перестроить, чтобы древние памятники, лишённые своих старых улиц, малых площадей, характерных для русского города деревянных домов, заборов и садов, потеряли свою органическую прелесть.

Кучи строителей разоряют сейчас города Испании. Они изуродовали уже южное побережье Средиземного моря и знаменитые места в Швейцарии. Старые города охраняют от них свои центры, но там, подальше, где можно было приобрести частную собственность, ими уничтожены сады, старые виллы. Вооруженные миллионами дельцы сейчас скупают для своих богатых хозяев целые улицы в бедной Испании. Уничтожают старые мавританские дворы, апельсиновые сады и на их месте строят доходные серые коробки, не отличающиеся друг от друга. Но к центрам древних городов, к счастью, для них путь закрыт. Кинотеатра они перед собором Нотр-Дам не поставят. Но они хотели построить в Венеции небоскребы.

* Устье Великой.

** Деревня Сенно, что под Изборском.

Когда я прочел статью Ларионова, мне стало больно. Я себя спросил: почему во Пскове умный и талантливый проект — сохранить древний город — был отвергнут. Ведь древность, повторяю, с современностью не враждует. А ведь во Пскове пошли походом на подлинную народную древность и начали ее вытеснять новостройками и равнять по своим новостройкам. Чувство такое: они бы всю псковскую древность подогнали бы под свои новостройки и помолодили бы ее, чтобы она не выделялась.

Если таким строителям дать волю, то от многострадальной, чудом уцелевшей русской древности ничего не останется. Хорошо, что этих строителей остановили в Москве. Предложенный псковскими архитекторами отвергнутый проект был умный, талантливый — как живой заповедник сохранить древний город с его улицами, переулками, поросшими травой площадями, невысокими деревянными домами, не закрывающими памятники древнего зодчества. Ведь древняя красота Пскова равна красоте древних городов Италии. Таких городов, как Новгород и Псков, в мире больше нет.

Шлю Вам сердечный привет.

От всей души желаю плодотворной работы.

Л. Зуров

P.S. Не могу понять, почему работники псковского краеведческого музея стали называть дедовский Детинец — Кремлем. Весь народ — чудские и обозерские рыбаки, изборяне, островичи и эсты — с давних времен его почтительно и любовно величает Детинцем.

P.P.S. Вера Николаевна Бунина шлет Вам привет. Она скоро пришлет портреты.

Письмо (с купюрами) впервые опубликовано: [Пономарев 2014, с. 330–331] (по копии из Архива русской эмиграции в университете Лидса, MS 1068/3601).

¹ Ларионов И.Н. Архитектура Пскова. Социалистический и древний Псков. Псков, 1958.

Ларионов Иван Николаевич (1892–1981) — краевед, художник, фотограф. Член Комиссии по учету и изъятию церковных ценностей (1921–1922). В качестве инспектора по охране памятников участвовал в вывозе из бывших помещичьих усадеб и церквей Псковской губернии произведений русских и западноевропейских мастеров. Один из организаторов Творческого объединения псковских художников. В 1921–1938 гг. возглавлял Картинную галерею Псковского музея. В 1955–1963 гг. директор Псковского областного музея. Почетный гражданин города Пскова (1972). Автор ряда научно-популярных трудов по истории и культуре Пскова.

² Малышев В.И. Собрание рукописей Псковского областного краеведческого музея // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1955. Т. XI. С. 471–479.

³ Хамцов Алексей Иванович (1914–1994) — архитектор-реставратор. Участник Великой Отечественной войны, военный инженер. С 1952 г. главный архитектор проекта в Центральных научно-реставрационных мастерских Министерства культуры СССР. Один из авторов проекта реставрации стен и башен Московского Кремля.

Постановление Совета министров РСФСР от 22 августа 1952 г. № 1108 «О восстановлении и благоустройстве древних русских кремлей Новгорода и Пскова» положило начало реставрационным работам на этих памятниках. Автором проекта реставрации Псковского кремля был назначен А.И. Хамцов. В 1954 г. проект был согласован и утвержден Коллегией Управления по делам архитектуры при Совете министров РСФСР. Предусматривалось восстановление крепостных сооружений кремля на полный профиль, благоустройство территории и музеефикация памятника. Проект А.И. Хамцова был графической реконструкцией Крома и Довмонтова города на определенный исторический период — XVII век. В результате работ 1952–1956 гг. были восстановлены речной фасад Псковского кремля и большая часть фасада всей Псковской крепости. К 1970 г. были отреставрированы все укрепления Кремля.

⁴ Публикуется ниже.

⁵ Из вступительной статьи И.Н. Ларионова к указанному альбому. В угловых скобках восстановлены пропуски, сделанные Л. Зуровым и обозначенные им отточиями.

⁶ Командующий 6-й германской армией генерал-фельдмаршал фон Рейхенау в приказе от 10 октября 1941 г. «О поведении войск на Востоке» писал: «Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения».

⁷ Зуров не называет имени «академика». Можно предположить, что имеется в виду Андрей Николаевич Грабар (1896–1990) — византолог, историк искусства, действительный член Французской академии (1955) и академий многих стран мира. В письме к В.В. Косточкину от 26 апреля 1960 г. Л. Зуров вспоминает о том, как «французский академик, византолог Грабар» прочел доклад о древнерусских мастерах, а после доклада долго беседовал с ним «о новгородских фресках» [Пономарев 2014, с. 72].

⁸ Кавычки, закрывающие цитату, в письме Зурова отсутствуют. Поставлены предположительно.

⁹ Л. Зуров демонстрирует хорошую осведомленность о планах реставрации памятников древнерусского зодчества, которые начали претворяться в жизнь еще до завершения Великой Отечественной войны. В 1943 г. был создан Комитет по делам архитектуры при Совнарком СССР и в его рамках — Главное управление по охране памятников архитектуры. Начались восстановительные работы, была создана сеть органов охраны памятников с инспекциями при них. Согласно постановлению Совнаркома СССР от 1 ноября 1945 г. «О мероприятиях по восстановлению разрушенных немецкими захватчиками городов РСФСР» Псков вошел в число городов, подлежащих первоочередному восстановлению. В 1948 г. в издательстве Академии наук СССР вышел сборник «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР» под редакцией И.Э. Грабаря. Появились постановления Совета министров РСФСР об охране памятников (20 мая 1947 г.) и Совета министров СССР о мерах улучшения охраны памятников культуры (14 октября 1948 г.).

¹⁰ Макаровский Александр Иванович (1888–1958) — историк, краевед, богослов. Преподавал историю в школах Изборска. Автор работ о древностях и достопримечательностях Печорского края. С 1951 г. профессор Ленинградской духовной академии. Сотрудничал с Л. Зуровым во время его экспедиций; в частности, летом 1937 г. вместе с ним отстоял часовню Флора и Лавра в Изборске, предназначенную уездной управой к сносу [Пономарев 2014, с. 35–36, 55].

Л.Ф. ЗУРОВ – В.В. КОСТОЧКИНУ

22 декабря 1958 г. Париж

Париж, 22 декабря 1958 года.

Глубокоуважаемый Владимир Владимирович,

Ваше заказное письмо получил 17.XII. Его переслали из Эдинбурга в Париж.

Радуюсь, что уцелела построенная при Иване III малая Никольская церковь.

Пожалуйста, передайте В.Л. Янину¹, что профессор А.И. Макаровский умер в Ленинграде 3 мая с. г. (т. е. в тот день, когда я Вам отправил письмо, извещая Вас о хранящейся у Макаровского найденной на Труворовом городище печати). В Париже я купил «Журнал Московской патриархии» (ном<ер> 8, 1958 г.)². В нем помещена фотография Макаровского и напечатан прекрасно написанный (доцентом И. Белевцевым³, стр. 28, 29, 30) некролог, в котором отмечено (а это, я думаю, заинтересует и Вас), что А.И. Макаровский когда-то опубликовал и несколько статей по истории Изборска и Псково-Печерского монастыря.

Радует меня Ваше известие, что весной <19>59 г. в Ивангороде должны начаться большие реставрационные работы, как и то, что и Вы, возможно, примете в них участие. Надеюсь, что взорванные немцами башни и стены Ивангородской крепости реставраторы восстановят целиком. Хорошо, что старые фотографии уцелели.

Но вот, откровенно говоря, испугал меня — да думаю, и не только меня — проект реставрации псковского Детинца архитектора А.И. Хамцова. Пожалуйста, обратите внимание научных работников Вашего института на выпущенный Псковским областным краеведческим музеем сборник И. Ларионова «Архитектура Пскова. Социалистический и древний Псков» (Издательство газеты «Псковская правда». 1958 г.). Там помещены современная превосходная фотография «Псков. Кремль (до реставрации)» и «Проект реставрации Кремля» (на первом плане — «решетки» и устье Псковы) архитектора А.И. Хамцова. Помещенная в альбоме современная фотография Детинца великолепна. Художники могут радоваться — в такой силе и славе живет возвышающийся над речными водами, потемневший за века, суровый, седой и в то же время и могучий Детинец. Какое счастье, что, несмотря на все бури и невзгоды, он уцелел. Все на этой фотографии изумительно — это как бы драгоценное полотно неведомого гениального художника. И дикие камни у вод, и суровый цвет рассыпавшихся башен и стен; поросшие за века травой, хрящеватые от плитника крепостные скаты и белый под облаками собор... Эта фотография на иностранцев производит столь сильное впечатление, что один из французских искусствоведов мне недавно сказал: «Я не знал, что на севере России уцелело столь сильное своей древней красотой изумительное место. И какое счастье, что⁴ это городище сохранилось в своей неповторимой силе и простоте. Изумительно». И этот человек вспомнил самоуверенного и самоупоенного французского реставратора Viollet-le-Duc⁵, который при Наполеоне III занялся величественными (возвышавшимися на высокой скале) руинами замка (Le château de Pierrefonds) и создал на древнем основании свой фантастический многобашенный замок. Так вот, этого реставратора (Viollet-le-Duc), а он когда-то был исключительно прославлен и напе-

*Проект реставрации Псковского кремля. Архитектор А.И. Хамцов.
Из кн.: Ларионов И.Н. Архитектура Пскова. Псков, 1958*

чтал множество работ, французские реставраторы и искусствоведы вспоминают недобрым словом. Имя его стало нарицательным.

Теперь скажу несколько слов о проекте А.И. Хамцова. Возможно, что архитектором руководили лучшие желания и он как-то по-своему любит старину, но мне хотелось бы, чтобы Вы обратили внимание московских реставраторов на проект реставрации псковского Детинца. Спросите, пожалуйста, в институте* их: обсуждали ли провинциальный проект реставрации в Ленинградской реставрационной мастерской? Видели ли этот проект профессор Игорь Грабарь⁷ (ведь он спас множество памятников материальной культуры), московские реставраторы и пользующийся мировой известностью профессор Лазарев?⁸ Пускай они посмотрят, как архитектор А.И. Хамцов хочет омолодить седой Псков. Мне кажется, что на А.И. Хамцова, несомненно, повлияли какие-то псевдоисторические картинки или же макеты кинематографических далеко не первоклассных постановок.

Не могу поверить, что псковские реставраторы решили разрушить Детинец, славящийся на весь мир суровой и мощной, как бы первозданной красотой своих развалин. Глядя на картину Добужинского («Детинец под снегом»), С.В. Рахманинов восхищался «единственным в мире историческим пейзажем» (эта картина и сейчас висит в Париже у младшей дочери Рахманинова). Развалины Детинца любили — композитор Глазунов (он и венчался в Детинце), Шаляпин, художники Рерих, Коровин, Добужинский, Лаховский (последний сотню картин написал — был влюбленный в развалины Детинца, ладьи, паруса, рыбный базар на Пскове. Он изумлялся неповторимости улиц, переулков, тропинок, домов и церковей Запсковья и Завеличья.) Искусствовед П. Муратов (автор книги «Образы Италии») совершенно справедливо считал, что древний Псков по красоте Детинца, церк-

* Институт истории искусств Академии наук СССР⁶.

вей, зарастающих травой площадей имеет особенную, только ему свойственную стать и может поспорить со знаменитыми малыми городами древней Италии.

Профессор Айналов⁹ (имя которого часто упоминается в книгах советских искусствоведов) возил студентов во Псков и, показывая им (с берега Псковы) на развалины Детинца*, учил своих слушателей чувствовать и понимать простоту и величие древней истории.

А вот архитектору А.И. Хамцову развалины Детинца не нравятся. Он его видит по-своему. Но Детинец, к счастью, является достоянием всего русского народа. Псков — древнейшее место. Исторический заповедник. Разрушить его легко, а восстановить невозможно. Второго такого города нет. Ведь если приступить к реставрации стен и башен Детинца по проекту А.И. Хамцова (я не говорю о том, что необходимо укрепить стены и башни, сохраняя их «патину», не налагая кричащих заплат), то надо снести остатки древних стен и башен, построить новые башни и стены. А потом архитектор уберет прочь все древние камни, почистит (под метелку) берег и склоны, покроет асфальтом тысячелетние тропинки, вымостит набережные, посеет газон, разобьет у собора клумбочки, посадит елки и цветочки. Устроит кинематографический городок. Страшно даже подумать. Нет больше псковского Детинца, а построен Кремль архитектора А.И. Хамцова. Но тогда для полноты картины ему нужно будет снести и собор. Ведь он построен при Петре. Надо соорудить на его месте что-то такое более «древнее», гармонирующее с «решетками» и новыми побеленными башнями. А если допустить подобную реставрацию, то завтра окрыленный успехом архитектор развалит стены Старой Ладogi, помолодит, как рождественского деда, Изборск, а на месте древних стен Копорской крепости заложит свой сказочный город. И будет все побелено, все заблестит на удивление. И люди скажут: это лубок. И будет умерщвлена и разрушена навсегда подлинная древность.

Ведь если дать такому реставратору одну из драгоценных рублевских икон, о которых теперь говорит весь мир, то он и ее решит поновить, переписать на свой лад, почистить, восстановить опавшие места своей кистью.

Возможно, что проект попал в псковский альбом случайно. Но о чем же думала редакция, печатая (смутивший и повергший в великую печаль не только меня) проект реставрации? Возможно, что архитектором А.И. Хамцовым при создании проекта руководили самые лучшие желания, но что же делать, когда подлинной, находящейся перед его глазами древности (и ее поэтического поистине вдохновенного величия) он не видит, а чувства истории и древности, к величайшему сожалению, не имеет.

Л. Зуров

Начиная со слов «Но вот, откровенно говоря...» и до конца письма текст отчеркнут на полях В.И. Малышевым красным карандашом.

Это содержательное письмо, копию которого Зуров прислал Малышеву, отсутствует в архиве Зурова в ДРЗ, не вошло оно и в подборку писем Зурова В. Косточкину в книге

* Смотрите фотографию «Псков. Кремль (до реставрации)».

«Л.Ф. Зуров. Статьи и письма. Вып. I» (М., 2014). Публикуем текст письма по копии, сохранившейся среди писем Л. Зурова к В. Мальшеву в ИРЛИ (Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1463. Л. 30–33).

В ответном письме 19 февраля 1959 г. В. Косточкин, в частности, сообщал: «То, что Вы пишете относительно реставрации Псковского кремля по проекту архитектора А.И. Хамцова, совершенно справедливо. Однако не все думают так. В системе Академии наук СССР имеется научно-методический совет по охране памятников культуры, действительным членом которого являюсь и я. На этом совете вопрос о реставрации Псковского кремля и методической направленности реставрационных работ по нему ставился и обсуждался не раз. Многие с подобной реставрацией не соглашаются и думают так же, как и Вы. На месте же, в самом Пскове думают иначе и решения Совета не всегда выполняют» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 49. Л. 29).

Л. Зуров в письме от 23 марта 1959 г. прореагировал так: «Радует меня, что Вы являетесь действительным членом научно-методического совета по охране памятников культуры. После Вашего письма сердце мое успокоилось. Верю, что во Пскове победит научный метод реставрации» [Пономарев 2014, с. 66].

¹ Янин Валентин Лаврентьевич (род. 1929) — историк и археолог, академик РАН, член Комиссии по особо ценным объектам культуры при Президенте РФ. В момент написания письма — научный сотрудник кафедры археологии МГУ.

² Неверно указан номер журнала: некролог опубликован в № 7 за 1958 г.

³ Белёвцев Иван Иванович (род. 1928) — митрофорный протоиерей, заслуженный профессор Санкт-Петербургской духовной академии. В момент написания письма — священник, доцент Ленинградской духовной академии. С 1996 по 2015 г. настоятель храма Воздвижения Креста Господня в с. Ополе (ныне Гатчинская епархия).

⁴ Далее зачеркнуто: *его не коснулась рука какого-нибудь бездарного реставратора.*

⁵ Эжен Эмманюэль Виолле-ле-Дюк (1814–1879) — архитектор, историк, археолог, реставратор, инженер, декоратор, художник. Реставрировал ряд французских готических соборов. Методы реставрации вызывали разноречивые оценки. Отстаивал принцип восстановления объекта «до завершенного состояния», которого оно могло никогда не иметь. Образцом такой «реставрации» считали замок Пьерфон, который вобрал в себя все характеристики сооружения Средневековья.

⁶ Институт истории искусств Академии наук СССР основан в 1944 г. В 1962 г. переведен в ведение Министерства культуры СССР и переименован во Всесоюзный научно-исследовательский институт искусствознания. С 1995 г. — Государственный институт искусствознания.

⁷ Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960) — живописец, реставратор, искусствовед, теоретик искусства, педагог. Академик Академии наук (1943) и Академии художеств СССР (1947). В 1944–1960 гг. руководитель упомянутого Зуровым Института истории искусств.

⁸ Лазарев Виктор Никитич (1897–1976) — искусствовед, специалист в области истории древнерусского и византийского искусства, автор ряда работ об иконописи. Совместно с И.Э. Грабарем был одним из организаторов Института истории искусств, где создал сектор по изучению древнерусского искусства.

⁹ Айналов Дмитрий Власьевич (1862–1939) — историк раннехристианского и византийского искусства. Учился в Одессе в Новороссийском университете у Н.П. Кондакова, преподавал историю в Казанском университете (1890–1903); с 1903 г. профессор Санкт-Петербургского университета; в 1922–1929 гг. работал в Государственном Эрмитаже. Один из самых видных учеников и продолжателей идей Н.П. Кондакова. В его трудах эстетическое осмысление древних памятников сочетается с их историко-культурной оценкой.

В.И. МАЛЫШЕВ – Л.Ф. ЗУРОВУ

15 января 1959 г.

15.I.59 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Сегодня получил от автора для Вас книжку об Изборске и посылаю ее Вам одновременно с этой открыткой. Напишите о получении. Ваше большое письмо я получил и послал его в Псковский музей. Скоро будет в Ленинграде директор Псковского музея И.Н. Ларионов, и я поговорю еще с ним лично. Если будете писать проф<ессору> Малер, передайте ей, пожалуйста, что у меня есть все работы проф<ессора> П. Паскаля о протопопе Аввакуме, пусть она не ищет их для меня.

Всего Вам наилучшего.

В. Малышев

Почтовая карточка.

В.И. МАЛЫШЕВ – Л.Ф. ЗУРОВУ

2 марта 1959 г.

2.III.59

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Фотографии Бунина получили. Большое спасибо мадам Буниной и Вам¹. Литературный музей обещает написать Вам отдельно. В этом письме посылаю Вам вырезку из «Веч<ернего> Ленинграда» о фотографиях Бунина². Не забывайте о моем интересе к протопопу Аввакуму, осаде Пскова Стефаном Баторием и осаде Пскова Густавом-Адольфом в 1615 г. Собираю по этим темам все, даже мелкие газетные информации.

Здоров ли проф<ессор> Н.Е. Андреев, я послал ему IX и XV тт. «Трудов Отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР», но до сих пор не знаю, дошли ли они до адресата. Кланяйтесь ему от меня. Нельзя ли достать в Париже поэму (или баллада) «Иоанн Креститель и протопоп Аввакум» Абрама Лесина (А. Вальт)?³ Написана и напечатана, кажется, в Париже около 1928 г. Не знает ли о ней Б.К. Зайцев? Б.К. Зайцеву тоже кланяйтесь от меня.

Всего Вам наилучшего,

В. Малышев

P.S. Скоро вышлю Вам новое издание Повести об осаде Пскова Стефаном Баторием. Текст подготовил я.

В.М.

Автограф, чернила.

¹ В архиве В. Малышева имеется письмо к нему В.Н. Буниной от 9 февраля 1959 г. Приводим его целиком:

«Париж, 9.II.59
 Многоуважаемый Владимир Иванович,
 Простите, что с таким опозданием исполняю Вашу просьбу — прислать несколько фотографий Ивана Алексеевича.
 Я была перегружена ответными письмами — и деловыми, и праздничными, да и чувствую себя не очень хорошо. Болел и Леонид Федорович. Вчера наконец вытащили чемодан с фотографиями, и Л.Ф. упаковал Вам несколько портретов и любительских снимков на юге.
 Желаю Вам в 1959 г. здоровья, плодотворной работы и радости.
 С сердечным приветом от Л.Ф. и меня,
 В. Бунина
 См<отрите> на обороте.
 P.S. Леонид Федорович Вам скоро напишет. Его очень порадовала книжка Михельсон “Изборск”» (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1426. Л. 1–1 об.).

² К письму подклеена вырезка из газеты «Вечерний Ленинград» от 23 февраля 1959 г., озаглавленная «Редкие фотографии И.А. Бунина»: «Вдова писателя И.А. Бунина — В.Н. Муромцева-Бунина прислала в Институт русской литературы Академии наук СССР ряд редких фотографий. Это главным образом портреты писателя, умершего во Франции в 1953 году. Интересна одна из последних фотографий И.А. Бунина. Он снят на побережье Средиземного моря сидящим на борту лодки в Каннском порту. На некоторых фотографиях имеются автографы писателя. Полученные из Парижа фотографии переданы в Литературный музей».

³ Лесин Абрам (наст. фам. Вальт; 1872–1938) — поэт, публицист. С 1913 г. редактор литературного журнала «Цукунфт», выходившего на идише в США. Большинство поэтических произведений Лесина вошло в сборник «Лидер ун поэмен» («Стихи и поэмы», Нью-Йорк), вышедший в 1938 г. с рисунками М. Шагала. Баллада «Иоанн Креститель и протопоп Аввакум» написана в 1928 г.

Л.Ф. ЗУРОВ — В.И. МАЛЫШЕВУ

20 марта 1959 г. Париж

Париж, 20 марта 1959 года.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Простите за долгое молчание. Был болен отвратительным гриппом, пришлось лечиться. А тут и Вера Николаевна Бунина заболела*.

Благодарю Вас за открытки и книгу Т.Н. Михельсон¹. Прочел с наслаждением. Благодарил автора и Вас.

Давно передал Ваш привет проф<ессору> Малер. Известил ее, что у Вас имеются все работы проф<ессора> Паскаля о протопопе Аввакуме. Надеюсь, Вы получили от Малер историю литературы проф<ессора> Мушга².

Спасибо за письмо от 2 марта. Вырезку из газеты передал Вере Николаевне, она благодарит.

* Обнаружено много белых кровяных шариков.

Написал Андрееву в Кембридж. Он меня известил, что у него родился сын³. Николай Ефремович Вам напишет.

Теперь несколько слов относительно поэмы (или баллады) «Иоанн Креститель и протопоп Аввакум» Абрама Лесина (А. Вальт). Вы пишете: «Напечатана, кажется, в Париже около 1928 года». Навел справки, опросил престарелых поэтов, что давно живут в Париже. Лесина они не встречали, никогда ничего о нем не слышали. Жаль, что умер Ходасевич. У него была исключительно ценная библиотека зарубежных стихов. Она была реквизирована во время оккупации, когда немцы арестовали вдову Владислава Фелициановича (погибла в лагере). Б.К. Зайцев о поэме Лесина никогда не слышал. Лесина в Париже он не встречал. Борис Константинович просил передать Вам привет. Скоро он Вам кое-что пришлет.

От В.В. Косточкина получил отписки его исключительно интересных работ.

Радует меня, что Вы печатаете новое издание Повести о осаде Пскова Стефаном Баторием. Поздравляю!

От всей души желаю Вам здоровья и плодотворной работы.

Л. Зуров

¹ *Михельсон Т.Н.* Изборск: историко-архитектурный очерк. Псков, 1958.

Михельсон Татьяна Николаевна (1918–1999) — преподаватель кафедры иностранных языков Ленинградского отделения Академии наук, автор «Практического курса грамматики английского языка» (в соавт. с Н.В. Успенской) и других пособий. (В издании [Пономарев 2014, с. 355] ошибочно указана как сотрудник Пушкинского Дома.) В качестве переводчика (с древнерусского) и комментатора подготовила книги для юношества «Рассказы Начальной русской летописи» (1964), «Рассказы русских летописей XII–XIV вв.» (1968), «Рассказы русских летописей XV–XVII веков» (1976).

Письмо Л. Зурова к Т. Михельсон от 19 июня 1960 г. и фрагменты их переписки см.: [Пономарев 2014, с. 88–90, 355, 358].

² Мушг Вальтер (Muschg; 1898–1965) — швейцарский литературовед. С 1936 г. профессор немецкой литературы в Базельском университете. Автор книги «Tragische Literaturgeschichte» [«Трагическая история литературы»] (1948; 1953; 1957).

³ О рождении сына Николая Н.Е. Андреев сообщил Л.Ф. Зурову в письме от 10 марта 1959 г. [Переписка Андреева и Зурова 2013, с. 193].

В.И. МАЛЬШЕВ — Л.Ф. ЗУРОВУ

17 марта 1959 г.

17.III.59 г.

Многоуважаемый Леонид Федорович!

Одновременно с этим письмом послал Вам книгу «Русские повести XV–XVI вв.». Текст повести о Стефане Батории подготовлен мной¹.

В Музее меня заверили, что они поблагодарили Веру Николаевну Бунину за присланные фотографии.

Не встречалось ли Вам чего-нибудь новенького об Аввакуме, даже маленького, газетного?

Здоров ли профессор Н.Е. Андреев? Я давно, давно послал ему IX и XV тома «Трудов Отдела древнерусской литературы» и не знаю, получил ли он их.

Всего Вам хорошего.

В. Малышев

P.S. В.Н. Буниной прошу передать от меня поклон и пожелание всего хорошего.
В.М.

См. <на> обороте²

Автограф, чернила.

¹ Русские повести XV–XVI веков / сост. М.О. Скрипиль; ред. текстов, статей и примеч. Б.А. Ларин. М.; Л., 1958. Текст повести «Об осаде Пскова Стефаном Баторием» подготовлен В.И. Малышевым.

² На обороте листа наклеены две газетные вырезки:

«**В дар Пушкинскому Дому.** В Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР пришла посылка из Парижа. Это — дар В.Н. Муромцевой-Буниной Пушкинскому Дому — книга, написанная ею об известном русском писателе И.А. Бунине. Труд охватывает время с рождения по 1906 год и представляет собой первую часть большой биографии писателя» («Вечерний Ленинград», 14 марта 1959 г.).

«**Посылка из Парижа.** Ленинград, 3 марта. (Наш корр.) В.Н. Бунина, вдова известного русского писателя И.А. Бунина, прислала из Парижа в дар Институту русской литературы Академии наук СССР несколько редких фотографий писателя. Кроме того, В.Н. Бунина прислала выпущенную в прошлом году в Париже первую часть большой биографической работы о писателе. В книге использованы многие неизвестные до сих пор материалы из семейного архива Бунина. Ценный дар передали в Литературный музей Института русской литературы Академии наук СССР» («Комсомольская правда», 4 марта 1959 г.).

В обеих заметках речь идет об издании: *Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. 1870–1906.* Париж, 1958.

В.И. МАЛЫШЕВ – Л.Ф. ЗУРОВУ

30 марта 1959 г.

30.III. 59

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Письмо Ваше получил. Спасибо Вам за справку о Лесине. Михельсон письмо передал: ученая дамочка обещала Вам написать письмо. С Вашей помощью пришел ответ и от Андреева Н.Е. Все, что посылала мне проф<ессору> Е. Малер, все я получил и ее поблагодарил. Будете писать проф<ессору> Н.Е. Андрееву и проф<ессору> Е. Малер, кланяйтесь им от меня. Я почти закончил книжку о печорских рукописях XVI–XIX вв. Думаю, что через м<еся>ц-полтора она пойдет в издательство.

Кланяйтесь от меня В.Н. Буниной и Б.К. Зайцеву и не забывайте о моем интересе к протопопу Аввакуму.

Всего наилучшего.

В. Малышев.

P.S. Не знает ли Б.К. Зайцев чего-нибудь об Аввакуме?

<P.>P.S. Спросите, пожалуйста, проф<ессора> Малер, выходила ли в Фрибурге книга Говена об А. Блоке (1943 г.)¹. Ей интересуется один наш ученый муж (Д.Е. Евгеньев)².

Почтовая карточка.

¹ Жан Говен (Jean Gauvain) — псевдоним Жана Лалу (Laloy; 1912–1994) — французско-го дипломата и переводчика. Служил советником-посланником в Москве в 1955–1956 гг. Автор работ о Советском Союзе; переводил В. Соловьева и А. Блока. В 1943 г. во Фрибурге (Швейцария) в католическом журнале «Nova et Vetera» («Новое и Старое») появилась подборка стихотворений Блока со вступительной заметкой «Александр Блок, поэт русской трагедии». Составителями были два французских беженца в Швейцарии, Ж. Говен и Э. Бикер (*Gauvain J., Bickert E. Alexandre Blok, poète de la tragédie russe // Nova et Vetera (Fribourg). 1943. № 3*). В 1967 г. они выпустили книгу переводов А. Блока: *Blok A. Les Scythes et autres poèmes / traduit par E. Bickert et J. Laloy. P.: Librairie des Cinq Continents, 1967*.

² Скорее всего, имеется в виду литературовед Дмитрий Евгеньевич Максимов (1904–1987). Фамилию «Евгеньев» (псевдоним его старшего брата, филолога В.Е. Евгеньева-Максимова) В. Малышев, вероятно, указал ошибочно.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

5 апреля 1959 г. Париж

5.IV.59 г. Paris

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

сердечное спасибо за подарок — «Русские повести XV–XVI веков» с Вашей надписью. Очень Вы меня порадовали. Давно хотел иметь под рукой тексты др<евних> рус<ских> повестей. «Об осаде Пскова Стефаном Баторием» перечитываю с волнением. Когда-то в Риге я долго искал этот текст. Обнаружил его на книжном складе Кимеля (в Старом городе), где была тогда свалена и знаменитая библиотека Смирдина¹.

Надеюсь, Вы получили мое письмо. Передайте, пожалуйста, привет Т.Н. Михельсон.

От всей души желаю Вам здоровья и творческой работы.

Ваш Л. Зуров

Exp. L. Zouroff, 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16^e, France

Открытка с видом площади Согласия в Париже.

¹ Книги из собрания петербургского издателя и книгопродавца А.Ф. Смирдина (1795–1857), сменив ряд владельцев, были приобретены рижским книгопродавцем Н. Киммелем. Часть библиотеки, не распроданную Н. Киммелем, в 1932 г. купила Славянская библиотека в Праге.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

12 мая 1959 г. Париж

12 мая 1959 г. Париж

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,
из Эдинбургского университета (Русский отдел) я получил письмо, а в нем есть строки: «Можете сообщить В.И. Малышеву, что в сборнике “Indiana Slavic Studies”, 1956 г., I том (Indiana University Publications) помещена на английском языке статья Сергея Зеньковского об Аввакуме»¹.

Желаю Вам плодотворной работы. Пожалуйста, передайте мой привет Т.Н. Михельсон. Скоро отвечу Т.Н. на все вопросы.

Ваш Л. Зуров

Exp. L. Zouroff, 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16^e, France

Открытка с видом Вандомской колонны в Париже.

¹ *Zenkovsky S. The Old Believer Avvakum: His role in Russian Literature // Indiana Slavic Studies, 1956. Vol. I. P. 1–51.*

Зеньковский Сергей Александрович (1907–1990) — русский историк. Племянник В.В. Зеньковского. С 1927 г. жил в Париже, в 1939–1944 гг. — в Чехословакии, после Второй мировой войны переехал в США, где преподавал в ряде университетов.

В.И. МАЛЫШЕВ – Л.Ф. ЗУРОВУ

4 июня 1959 г.

4.VI. 59 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Одновременно с этим письмом я послал Вам заказной бандеролью два плаката о псковских архитектурных памятниках. А в этом письме посылаю отгиски статьи от И.Н. Заволоко. Напишите мне, пожалуйста, о получении.

Моя знакомая ученая дамочка М. Дикман¹ просила меня спросить у Веры Николаевны Буниной:

- 1) О пребывании Бунина у Горького на Капри.
- 2) Об отношении Бунина к циклу рассказов Горького «По Руси».
- 3) Творческая история деревенских рассказов Бунина, созданных на Капри.

М. Дикман занимается изучением творчества Горького и Бунина. Если Вера Николаевна сейчас здорова, то попросите ее, пожалуйста, хотя бы коротко ответить на эти вопросы.

В этом году на Печору я поеду только в конце июня (маленько побаливаю).

Всего Вам хорошего.

В. Малышев

P.S. Кланяйтесь от меня Вере Николаевне. У нас очень ждут вторую часть ее книги.

Автограф, чернила.

¹ Дикман Мина Исаевна (1910–1989) — литературовед, автор работ о поэтах Серебряного века. Редактор Ленинградского отделения издательства «Советский писатель». Ее вопросы связаны с подготовкой статьи: *Дикман М.И.* Очерки М. Горького «По Руси» и идейно-политическая борьба 1910-х годов // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1959. Т. 198. С. 233–238.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

19 июня 1959 г. Париж

Париж, 19 июня 1959 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Спасибо за письмо от 4.VI, а также и за приложенный к нему оттиск (тепленький) Вашей работы «О втором списке Слова о погибели Рускья земли»¹. Радуюсь за Ивана Никифоровича <Заволоко>². Когда-то на юге Д.С. Стеллецкий³ показывал мне групповые фотографии рижских старообрядцев, присланные ему Иваном Никифоровичем. А предварительно мы рассматривали новые картины Стеллецкого на древние темы. Я, к его удивлению, заметил, что бороды и лица знакомых мне старообрядцев попали на его картины. А среди этих лиц я узнал и Заволоко, чем очень смутил Стеллецкого. Все это происходило в присутствии Веры Николаевны Буниной. Стеллецкому фотографии нужны были для работы. Какие бороды, лица! Русь! На юге Франции таких не увидишь. Тут бриты, босое лицо.

Ваша работа имеет большой успех. Я показывал оттиск друзьям покойного М. Горлина (которого, как и его погибшую в немецком лагере жену, хорошо знал)⁴. С.Ю. Прегель (она принимала участие в издании книжки М. Горлина)⁵ попросила у меня Ваш оттиск и сразу же известила по телефону проф<ессора> Мазона⁶.

Вчера получил два плаката (псковские архитектурные памятники). Фотографии, к сожалению, чрезмерно ретушированы и обведены. Удивила меня фотография «Псковский кремль* — место зарождения города». Тут ретушер основа-

* Прав Паустовский! Не берегут они русский язык!⁷

тельно поработал. Ладейной пристани и рыбного базара на реке Пскове нет! А ведь живописный рыбный базар под стеною Детинца существовал, предполагаю, с древнейших времен. Там и при Рюрикe рыбаки с ладей (и бабы с лотков) судаками, ершами и сетками торговали. То, что кирпичного дома под стеной нет — а это был трактир «Рыбный базар», — очень хорошо. Спасибо за плакаты.

Вере Николаевне вопросы М. Дикман я передал.

Вы пишете: «маленько побаливаю». Вот это нехорошо. Боюсь, что, безмерно работая, Вы сильно устаете. От всей души желаю здоровья, успехов и заслуженного летнего отдыха. Завтра отвечу Михельсон на часть вопросов. Перед отъездом в Шотландию отвечаю на письма. Если захотите мне написать, пожалуйста, посылайте все В.Н. Буниной (для Л.Ф. Зурова). В<ера> Н<иколаевна> мне письма перешлет. 24 июня я уезжаю из Парижа.

Л. Зуров

Не откажите в любезности, пожалуйста, передайте письмо Татьяне Николаевне Михельсон. Л.З.

<Приписка В.Н. Буниной:>

Многоуважаемый Владимир Иванович,

Я не могу в полностью исполнить просьбу М. Дикман, так как сама буду писать в «Беседах памяти» о нашем пребывании на Капри⁸. Мы всего раз, и то несколько дней, по большой просьбе Марьи Федоровны⁹, прожили в их вилле, потому что ей не хотелось одной оставаться в доме с К.П. Пятницким¹⁰, так как они поссорились. Мы ездили на Капри пять раз, два раза останавливались в отеле «Пагано», а три — в «Квисисано». У Горьких бывали часто. В тот раз, когда нас из «Пагано» М<ария> Ф<едоровна> перетащила к себе, мы ждали Горького, который был у сына на севере Италии, и при нем остались лишь дня два, так что о «пребывании» у Горького Ивана Алексеевича я ничего не могу рассказать.

2) Об отношении Бунина к циклу рассказов Горького «По Руси» не знаю. Они писатели были слишком разные, хотя Алексей Максимович высоко ставил творчество Бунина; мне лично говорил: «Мы все должны учиться у него»...

3) «Творческая история деревенских рассказов Бунина, созданных на Капри». Это вопрос слишком сложный. Его я разовью в своей книге. Скажу одно, что (я писала об этом в «Жизни Бунина») Иван Алексеевич всегда на юге писал рассказы из северной жизни, а на севере о южной. Поэтому он не мог, как пишет Екатерина Павловна Пешкова, писать «Господина из Сан-Франциско» на Капри. Он написал его в <19>15 году в деревне Орловской губернии.

Желаю Вам здоровья и хорошего отдыха.

Уважающая Вас В. Бунина

Простите за помарки, но переписать письмо у меня нет сил — устала.

С сердечным приветом.

В<ера> Б<унина>

Письмо В.Н. Буниной напечатано на том же листе и на той же машинке, что и письмо Зурова, но по старой орфографии.

¹ *Малышев В.И.* О втором списке «Слова о погибели Руския земли»: (История открытия) // *Slavia. Praha*, 1959. Roč. 28. Seš. 1. S. 69–72.

² Речь идет об истории открытия второго списка «Слова о погибели Русской земли»: «Этот список был обнаружен В.И. Малышевым среди рукописей Рижской старообрядческой гребенщиковской общины в феврале 1946 г. и опубликован им в 1947 г. В.И. Малышев не знал тогда о том, что еще в 1933 г. этот же список “Слова” нашел и определил И.Н. Заволоко и переслал фотокопию рукописи в Париж М. Горлину для подготовки к публикации. Публикация эта была осуществлена только в 1947 г., уже после кончины М. Горлина. Стремясь восстановить справедливость в возникшем недоразумении о приоритете Заволоко как первооткрывателя “Слова о погибели”, В.И. Малышев обратился с письмом к Ивану Никифоровичу. В ответном письме Заволоко подробно изложил историю открытия им памятника, заметив при этом: “Интересы науки для меня были на первом месте. Не удается мне — пусть издадут другие”. На основании полученных сведений В.И. Малышев пишет статью об истории находки “Слова”. По поводу этой статьи Заволоко писал Малышеву: “Для меня важно только то, что науке стало известным про Слово о погибели. Самолюбия у меня нет. Если вы находите нужным... печатать эту статью в интересах науки — тогда печатайте...” Этот эпизод сблизил ученого и собирателя на основе в высшей степени собственных обоим научной принципиальности и подлинного бескорыстия» [Маркелов 1980, с. 440].

³ Стеллецкий Дмитрий Семенович (1875–1947) — художник, скульптор, иконописец. С 1914 г. жил во Франции. Знарок и ценитель русской старины, один из организаторов общества «Икона» (1925) и Русского культурно-исторического музея в Праге (1935).

⁴ Горлин Михаил Генрихович (1909–1944) — русский поэт, филолог-славист. В 1919 г. эмигрировал в Берлин, с 1933 г. жил в Париже, где работал ассистентом А. Мазона в Институте славяноведения. Арестован, погиб в концлагере в апреле 1944 г. Его жена, поэтесса Раиса Ноевна Блох (Горлина) (1899–1943), погибла годом раньше.

Автор статьи, посвященной «Слову о погибели Русской земли», опубликованной посмертно: *Gorlin M. Le dit de la ruine de la terre Russe et de la mort du grand prince Jaroslaw // Revue des études slaves*. 1947. XXI. P. 5–33.

⁵ Прегель Софья Юльевна (1897–1972) — поэтесса, издательница, мемуаристка. В эмиграции с 1922 г., с 1932 г. постоянно жила в Париже, в 1942 г. переехала в Нью-Йорк, в 1948 г. вернулась в Париж. Редактор-издатель журнала «Новоселье» (1942–1950), организатор и первый директор издательства «Рифма» (1957–1972). Наряду с другими друзьями погибших поэтов приняла участие в подготовке книги: *Блох Р., Горлин М. Избранные стихотворения*. Париж, 1959.

⁶ Мазон Андре (Mazon; 1881–1967) — французский филолог-славист, иностранный член-корреспондент АН СССР (1928). Исследователь русской классической и древнерусской литературы и славянских языков. Руководитель Института славяноведения в Париже (с 1937 г.), вице-президент Международного комитета славистов (1958–1967). Один из основателей и член редколлегий парижского славистического журнала «*Revue des études slaves*» (1921). Вел переписку с В.И. Малышевым.

⁷ В письме к Малышеву от 26 декабря 1958 г. Л. Зуров выражал недоумение, почему забыто традиционное народное название Псковского кремля — «детинец». Здесь Л. Зуров имеет в виду статью К. Паустовского «Беспорные и спорные мысли», опубликованную 20 мая 1959 г. в «Литературной газете». В ней, в частности, автор писал: «Русский язык —

одно из величайших чудес на земле. В течение многих веков Россия была нищей, сирой, бесправной и тёмной. Но, несмотря на это, вопреки этому, наш народ создал язык поистине гениальный — сверкающий, певучий, живописный и богатейший в мире. Бережём ли мы этот язык? Нет, не бережём! Наоборот, язык всё больше загрязняется, переламывается и сводится к косноязычию. Нам угрожает опасность замены чистейшего русского языка скудоумным и мёртвым языком бюрократическим. <...> Огромную и печальную роль в распространении этого языка играют газеты (особенно районные), радиопередачи и передачи по телевидению. Этот язык вторгся в школьные учебники, в научные труды, даже в литературу».

Л. Зуров, скорее всего, познакомился с этими мыслями К. Паустовского из публикации в парижском эмигрантском журнале «Русская речь. La parole russe» (1959. № 6), где были приведены обширные цитаты из «крамольной» для советской литературы (по мнению авторов журнала) статьи К. Паустовского. См. подробнее: [Басовская 2011].

⁸ Мемуарные очерки В.Н. Буниной «Беседы с памятью» на протяжении нескольких лет печатались в эмигрантской периодике (Новое русское слово. 1955. 7 и 28 авг.; Новый журнал. 1960–1962. № 59–60, 62–64, 67; Грани. 1962. № 52–53). Отдельное издание появилось позже: *Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / сост., предисл. и примеч. А.К. Бабореко. М., 1989.*

⁹ Андреева Мария Федоровна (урожд. Юрковская, в первом браке Желябужская; 1868–1953) — актриса, общественная и политическая деятельница, гражданская жена (с 1904 по 1921 г.) Максима Горького.

¹⁰ Пятницкий Константин Петрович (1864–1938) — литератор, основатель и руководитель книгоиздательского товарищества «Знание» (1898). Ср. запись В.Н. Буниной: «24 <апреля 1910 г.> на Капри. Рагано. Горький в Ницце у сына. М<ария> Ф<едоровна> с Пятницким. Их ссора при нас. Просьба М. Ф. переселиться к ней: ее страх Пятн<ицкого>. Неделю с ними» [Устами Буниных 1977, т. 1, с. 91].

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

12 августа 1959 г. Сент-Эндрюс

Привет из Шотландии.

Л. Зуров

Открытка с видом: руины собора в Сент-Эндрюсе.

Датируется по штемпелю.

В.И. МАЛЫШЕВ – Л.Ф. ЗУРОВУ

25 декабря 1959 г.

25.XII.59

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Сердечно благодарю Вас за книгу. Надеюсь, что посланные мной наши издания тоже до Вас дошли. Я все занимаюсь описанием печорских рукописей (их ведь

много у нас), подготовил раздел о сборниках (книга будет издана в Сыктывкаре). По выходе этой работы пришлю Вам сразу же ее. Что нового у Вас? Продолжаю интересоваться Аввакумом и Стефаном Баторием (вкуче со Псковом). Поздравляю Вас и Веру Николаевну с Новым годом, от всей души желаю Вам доброго здоровья и счастья.

В. Малышев

Почтовая карточка.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

26 декабря 1959. Париж

Сердечно поздравляю

Л. Зуров

Новогодняя открытка.

Датируется по штемпелю.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

7 июля 1960 г. Париж

Париж, 7 июля 1960 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

С глубоким прискорбием мы узнали, что Вы потеряли сестру¹ — единственного родного и близкого человека. От всей души мы желаем Вам бодрости и сил. Вера Николаевна Бунина и Сергей Николаевич² просят передать Вам соболезнование (по не зависящим от него причинам Сергей Николаевич Вам написать не смог).

Извещаю Вас, что 9 июня скончался (на 77<-м> году жизни) Ваш друг Василий Петрович Никитин. Похоронили его за Парижем. Траурное извещение было помещено в газете вдовой (Лаурой Леандровной. Она француженка, ей 80 лет) с большим запозданием. Горе Лауры Леандровны велико.

Жаль Василия Петровича бесконечно. Это был умный, обладавший поразительной ясностью ума и исключительными знаниями человек. И вот его уже нет. Куда ушел этот ум, ученая наблюдательность, память!

Болен он был давно. Все время задыхался. Последний раз, когда я был у него, он показал мне отзыв о его книге, напечатанный в советском научном журнале. Это была его последняя радость. В тот день он вспоминал Вас, рассказывал мне, как в молодости работал в Константинополе с византологом академиком Успенским³. Переписывался он с профессором Вернадским.

Сообщаю Вам, что в «Новом журнале» 1960 г., книга 59-я, стр. 196–202 помещен отзыв проф<ессора> Г.В. Вернадского («Повесть о Сухане. В.И. Малышев»). Рецензия хорошая.

Спасибо за присланную Вами книжку Ларионова «Легенды озера Чудского, преданья псковской старины»⁴. Но, откровенно скажу, горькие чувства вызвала во мне его книжка. Впоследствии я Вам о ней напишу. Автор пишет, «с каким глубоким вниманием, любовью и бережливостью относились к народному творчеству наши великие поэты, писатели...» «...нужно... хорошо знать язык, которым говорит масса...». Прочел я книжку Ларионова и спросил себя: а где же народная речь? Где изумительный язык Обозерья, Причудья, Изборского края?

Спасибо сердечное за присланный оттиск — «Отчет об археографической командировке на Печору 1958 г.»⁵. Мысленно путешествовал с Вами. Великую Вы проделали работу. Какое счастье, что народ сохранил драгоценные для нас рукописные книги. Вели ли Вы полевой дневник? Записывали ли свои путевые впечатления? Даю читать Ваш отчет своим друзьям. Они в восторге.

От всего сердца желаю Вам здоровья, бодрости, сил и плодотворной работы.

Очень опечален известием о смерти Вашей сестры. Потеря единственного родного и близкого человека — величайшее горе.

Ваш Л. Зуров

P.S. Я видел «Балладу о солдате»⁶. Люди плачут. Какая свежесть, изумительная художественная простота, правда. Глаза были мокры от слез.

Л.З.

P.P.S. Пожалуйста, передайте мой привет Татьяне Николаевне Михельсон. Прекрасную книжку она написала.

Л.З.

¹ Малышева Мария Ивановна (1912–1960) — младшая сестра В.И. Малышева. Она «не только разделяла кров с братом, но и была его искренним другом, по-родственному тепло заботилась о нем, скрашивала неуют его всегда холостяцкого дома», — пишет Г.В. Маркелов [Маркелов 2015, с. 103].

² Плаутин Сергей Николаевич (1897–1969) — филолог и историк. В эмиграции с 1919 г. — в Югославии, затем в Париже. Работал в Лувре. Исследователь древнерусской истории, изучал сведения о Крещении Руси и первых митрополитах-греках. Автор книги «Слово о полку Игореве: Исправленный и неисправленный тексты. Перевод и примечания» (Париж, 1958).

³ Успенский Федор Иванович (1845–1928) — византист, академик. В 1894–1914 гг. директор Русского археологического института в Константинополе. В 1921–1928 гг. председатель Российского Палестинского общества.

⁴ Ларионов И.Н. Легенды озера Чудского, преданья псковской старины. Псков, 1959.

⁵ Малышев В.И. Отчет об археографической командировке на Печору 1958 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 513–521.

⁶ «Баллада о солдате» снята на «Мосфильме» в 1959 г. режиссером Г.Н. Чухраем. Фильм имел успех в Европе, удостоен призов нескольких кинофестивалей.

В.И. МАЛЫШЕВ — Л.Ф. ЗУРОВУ

20 июля 1960 г.

20.VII.60 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Ваше письмо получил. Спасибо Вам за сочувствие в моем горе. Смерть сестры действительно очень, очень большой удар по мне. Я как-то даже сразу постарел, потеряв своего друга детства, верного моего оберегателя, ангела-хранителя. Вся ее сознательная жизнь прошла в заботах о «Володьке», хотя она и была младше меня на два года (ей было всего 47 лет).

М<еся>ца через три выйдет моя книга о печорских рукописях XVI–XX вв.¹ По выходе немедленно Вам будет выслана. Здесь публикуется ряд новых материалов, в том числе «Повесть о самосожжениях на Мезени в 1743–1744 гг.». По Пскову пока нового не выходило, если что-нибудь выйдет, пришлю. А Вы не забывайте о моем интересе к протопопу Аввакуму. Собираю о нем все, даже мелкое, газетное.

Всего Вам доброго.

Вере Николаевне и Сергею Николаевичу <Плаутину> — спасибо.

В. Малышев

Автограф, чернила.

¹ *Малышев В.И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960.

В.И. МАЛЫШЕВ — Л.Ф. ЗУРОВУ

1 октября 1960 г.

1.X.60 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Несколько дней назад послал Вам сочинения протопопа Аввакума (Гослитиздат, М., 1960 г.)¹. Издание интересно тем, что в нем впервые публикуются ранее неизвестные сочинения Аввакума (6 штук). Три из них нашел мой аспирант А.И. Мазунин². Пожалуйста, напишите мне Ваше впечатление от издания. Не забывайте также о моем интересе к протопопу Аввакуму. Собираю о нем все, даже мелкие газетные информации. Очень также интересуюсь темой «Осада Пскова Стефаном Баторием в 1581 г.». Интересует по этому вопросу все то же. Несколько дней назад я получил из Парижа сборник стихов о Вере Фигнер, написанных Анной Присмановой³. Что это за дама? Она даже не написала как следует свой адрес, а я хочу ее поблагодарить.

Всего Вам хорошего. Вере Николаевне низкий поклон. В. Малышев.

Почтовая карточка.

¹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под ред. Н.К. Гудзия; подгот. текста и коммент. Н.К. Гудзия, В.Е. Гусева, А.С. Елеонской, А.И. Мазунина, В.И. Малышева, Н.С. Сарафановой. М., 1960.

² Мазунин Александр Иванович (1924–1986) — археограф, историк русской литературы XVII в., ученик В.И. Малышева. Преподаватель Педагогического института им. С.М. Кирова в Ленинабаде.

³ Присманова Анна Семеновна (наст. имя и фам. Анна Симоновна Присман; 1892–1960) — поэтесса. В эмиграции с 1921 г. Жена поэта А.С. Гингера (1897–1965). Ее поэма о В.Н. Фигнер «Вера» вышла в Париже в 1960 г.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

27 октября 1960 г. Париж

Париж, 27 октября 1960 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Несказанно Вы меня обрадовали, прислав «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения» с дружеской и сердечной надписью. Спасибо. От всей души поздравляю с завершением великих трудов. (Ведь о поисках неизвестных ранее сочинений протопопа и о том, как были сделаны Вами и А.И. Мазуниным находки, о работе над рукописями можно выпустить сборник.)

Житие протопопа (с опубликованными в нем впервые ранее неизвестными сочинениями Аввакума) единодушно все хвалят. Присланные во Францию книги раскупили.

Обложка, напоминающая древний покров, с золотой, сдвинутой к краю печатью, — производит впечатление торжественности, внутренней, прорывающейся за грани пламенной силы.

Внутренняя рубашка переплета — с белыми листьеподобными и волнообразными разводами — противоречит внешности и тексту. Правда, я привык к цвету бумаги древних рукописных книг, которой оклеивали деревянные переплеты, к ее желтизне цвета старой слоновой кости.

Титульный лист написан прекрасно — с большой художественной свободой и силой. Тонко сделана надпись «Государственное издательство...».

Символистический рисунок, изображающий догорающий Аввакумов костер и оставшегося жить и после сожжения Аввакума, держащего в левой руке свиток, на который он указывает нам перстами, заставил меня задуматься. Нужно ли было помещать этот мрачный и сильный рисунок? Он бы отлично подошел к исторической повести о протопопе Аввакуме. Я подумал: жаль, что нет портрета Аввакума. Неужели он не дошел до наших дней? В книге помещены портреты патриарха Никона, царя Алексея Михайловича, снимок рукописной челобитной. Но надо признать, что мрачная сила этого современного рисунка внутренне слита с размахом исполненного от руки титульного листа, в котором как бы отражено переходное время — уставное, полууставное письмо соседят со скорописью. Гениальную главу о переходных временах, отразившихся в древней русской письменности, напечатал когда-то в «Философии общего дела» библиотекарь Ру-

мянцевской библиотеки Федоров¹, — а ведь он был сродни Аввакуму! Федоров несправедливо ныне (а как хотел его М. Горький переиздать) забыт.

Буквы, написанные от руки, очень хороши. Они украшают текст и внутренне оправданы, как и нарисованные в начале глав надписи. Концовки, взятые из рукописей, хороши, хотя немного стилизованы, но все же надо сказать: титлам неуместно находиться в конце глав. Об этом и Аввакум бы сказал.

Торжественна первая страница предисловия. Она украшает драгоценный текст, в котором живет и дышит, как биение горячей Аввакумовой крови, подлинная история допетровской Руси.

Хороши и мятущиеся буквы «Челобитные, письма, послания».

Прекрасно составлены комментарии (я бы заменил это слово русским) и словарь трудных для понимания слов. Только вот титла опять стали концовками. Надо бы их заменить иными рисунками и росчерками. Думаю, что в старинных рукописях конечное рукоделье найти при желании можно.

А в общем книга издана превосходно.

Простите, что не поблагодарил Вас за присланный «Литературный архив» (5). Письма И.А. Бунина к В.С. Миролюбову² Вера Николаевна Бунина прочла с глубоким интересом. Она благодарит Вас за память и шлет Вам привет.

Недавно исполнилось 90 лет со дня рождения Ивана Алексеевича Бунина. Этот день в Париже не был отмечен. В газетах словечка не напечатали. В это утро мы с Верой Николаевной ездили на кладбище. Печальный был денек. Листопад. Вот тот листопад, который так любил Иван Алексеевич. Жизнь, жизнь!

Шлю Вам дружеский привет. Еще раз сердечно благодарю за подарки и память. От всей души желаю Вам плодотворной работы.

Л. Зуров

P.S. Пожалуйста, передайте мой привет профессору Гудзию. С Николаем Калининичем я познакомился в Эдинбургском университете. Мне сообщили недавно, что он заболел. От всей души желаю ему скорейшего выздоровления.

P.P.S. Сборник стихов о Вере Фигнер выпустила поэтесса Анна Семеновна Присманова, жена поэта Александра Гингера. Она уже бабушка. Посылаю Вам ее адрес:

Madame A. Prismanova (Ginger),
4, rue Thureau-Dangin.
Paris 15^e, France

¹ «Философия общего дела» — название корпуса сочинений Н.Ф. Федорова (1829–1903), данное его учениками и выходившее в 1906–1913 гг. Л. Зуров имеет в виду рассуждения Н. Федорова «о способности письма быть графическим изображением духа времени»: в изменении почерка отражаются «переходы от веры, религиозности к сомнению, неверию, светскости». Если средневековая книга, написанная уставом, создавалась с молитвенным благоговением, то скоропись Нового времени — признак «суетливой и лихорадочной деятельности» [Федоров 1982, с. 82].

² Бунин И. Письма к В.С. Миролубову (1899–1904) / публ. П.П. Ширмакова // Литературный архив: Мат-лы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1960. Вып. 5. С. 128–141.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

8 декабря 1960 г. Париж

Париж, 8 декабря 1960 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Спасибо сердечное за весточку и открытку.

Очень нас порадовали гости из Пушкинского Дома¹. Свежестью и радостью повеяло.

Дополнительно извещаю Вас относительно дневника участника похода Стефана Батория. Летом 1929 года, когда я еще проживал в Риге, барон Ган, женатый на княгине Дине Анатольевне Ливен², мне сказал, что в своей усадебной библиотеке он обнаружил рукопись на немецком языке — дневник участника похода Стефана Батория. Ган знал, что я опубликовал книгу об осаде Пскова³. Он просил меня заехать в его усадьбу, чтобы я там мог ознакомиться с дневником. К величайшему сожалению, я этого сделать не мог, так как в то время работал с водолазами на реке Двине, был городским рабочим — и готовился к отъезду во Францию, куда и уехал осенью 1929 года. Гана я видел один раз. Мне неизвестно, что стало с его библиотекой и находившейся в ней немецкой рукописью.

Дополнительно извещаю Вас, что в стокгольмской библиотеке имеется огромный фонд, до сих пор не опубликованный. В этом фонде находится много документов о походе Стефана Батория, а кроме того, и бумаги де ла Гарди⁴, который, как Вам известно, потонул в Нарове (его ладья напоролась на корягу, а течение там быстрое. Во время беглого археологического обследования Принаровья я побывал в тех местах, где русские рыбаки вытащили труп Пунцы — так они называют Понтуса де ла Гарди).

Спасибо за открытку. Я ее передал больному доктору Унковскому⁵, несказанно обрадовав его. Между прочим, в предыдущее мое письмо вкралась ошибка: Борис Лазаревский свои парижские дневники⁶ отсылал в Пражский архив, а не в Парижскую национальную библиотеку.

От всей души желаю Вам успешной работы.

Ваш Л. Зуров

¹ В октябре 1960 г. группа научных сотрудников Пушкинского Дома (Л.Н. Назарова, Т.П. Голованова, Е.И. Кийко, Л.Ф. Ершов, В.В. Тимофеева) совершила научно-туристическую поездку во Францию. 31 октября Л.Н. Назарова, Т.П. Голованова, Е.И. Кийко посетили В.Н. Бунину в ее парижской квартире. Встреча продолжалась несколько часов, присутствовал на ней и Л.Ф. Зуров. Впоследствии между участниками встречи завязалась дружеская переписка. См.: [Голованова, Назарова 1974].

Назарова Людмила Николаевна (1910–2005) — историк русской литературы, библиограф, мемуарист. С 1939 по 1973 г. работала в ИРЛИ РАН, с 1960 г. — заведующая Тургеневской группой. Вела переписку с литераторами русского зарубежья, часть которой опубликовала. Оставила воспоминания о коллегах-филологах и зарубежных поездках (см.: [Назарова 2004]).

Кийко Евгения Ивановна (1923–2006) — сотрудник ИРЛИ с 1951 по 1983 г., тургеневед.

Голованова Тамара Павловна (1919–2004) — сотрудник ИРЛИ с 1952 по 1979 г., специалист по творчеству Тургенева и Лермонтова.

Среди переписки Зурова и Малышева, находящейся в ДРЗ, сохранилась копия письма, адресованного Л.Н. Назаровой, Т.П. Головановой, Е.И. Кийко. На нем стоит та же дата, что и на письме к Малышеву: вероятно, Зуров приложил текст для передачи адресатам. Приводим письмо полностью:

«Париж, 8 декабря 1960 г.

Многоуважаемые Людмила Николаевна, Тамара Павловна и Евгения Ивановна,

Мы с Верой Николаевной вас всех вспоминаем. В нашей столовой как бы продолжают звучать ваши русские голоса. Ржаной хлеб. Наслаждались его благоуханием. Сколько чувств, добрых и драгоценных воспоминаний! Мы не только с радостью его вкушали, но и угощали друзей. Если бы вы видели их счастливые и взволнованные лица. С какой трогательной бережностью люди заворачивали отдельные куски в чистую бумагу, чтобы дома поделиться русским хлебом со своими родными.

— Мы делили его с благоговением, — сказала нам потом одна из наших гостей.

Спасибо сердечное. От всей души желаем вам радости и успехов.

А Вера Николаевна была больна. Очень она переволновалась. Приходили письма из Москвы с описанием вечера памяти Ивана Алексеевича» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 67. Л. 46, 47).

О подарке Л. Зуров сообщил Н.Е. Андрееву 4 декабря 1960 г.: «Из Пушкинского Дома мне прислали в подарок большой каравай черного ржаного хлеба» [Переписка Андреева и Зурова 2013, с. 228].

Вечер, посвященный 90-летию со дня рождения Бунина, состоялся 22 октября 1960 г. в Гослитмузее. Письмо В. Буниной с подробным изложением выступлений прислал А.К. Бабореко; позже он описал это заседание в своей книге «Дороги и звоны» [Бабореко 1993, с. 70–76]. Выступавшие А.В. Храбровицкий, Н.П. Смирнов-Сокольский подвергли Бунина критике, а Е.П. Пешкова высказала претензии к самой Вере Николаевне. Впоследствии Л. Зуров писал А. Бабореко: «Вера Николаевна <...> мучительно пережила неудачу бунинского вечера. <...> Боль была большая. <...> С той поры <...> ее здоровье резко ухудшилось» [Там же, с. 73–74].

² Сесил Теодор Курт фон Ганн (von Hahn; 1897–1967) в 1923 г. женился на светлейшей княжне Дине Анатольевне (Дине Антуанетте) Ливен (1903–1982).

³ Имеется в виду «Отчина», посвященная осаде Пскова и Печерского монастыря войском Стефана Батория.

⁴ Понтус Деллагарди (De la Gardie; 1520–1585) — шведский полководец и дипломат французского происхождения. Командующий шведскими войсками в войне с Россией. Лодка, в которой Деллагарди возвращался из очередного похода, перевернулась, и он утонул в реке Нарова неподалеку от Нарвского замка.

⁵ Унковский Владимир Николаевич (1888–1964) — медик, журналист, литератор, сотрудник многих русскоязычных изданий Европы, США и Китая. Автор рецензии на книгу Л. Зурова «Марьянка» (Возрождение. 1958. Тетр. 84. С. 129–130).

⁶ Лазаревский Борис Александрович (1871–1936) — военный юрист, писатель. Эмигрировал в Константинополь, в 1921 г. приехал в Берлин, вскоре обосновался в Париже. Член Союза русских писателей и журналистов в Париже. Публиковался в эмигрантской периодике. Всю жизнь вел дневник, составивший 60 тетрадей, которые хранятся в фонде Б.А. Лазаревского в Литературном архиве Музея национальной письменности в Праге.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

Декабрь 1960 г. Париж

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

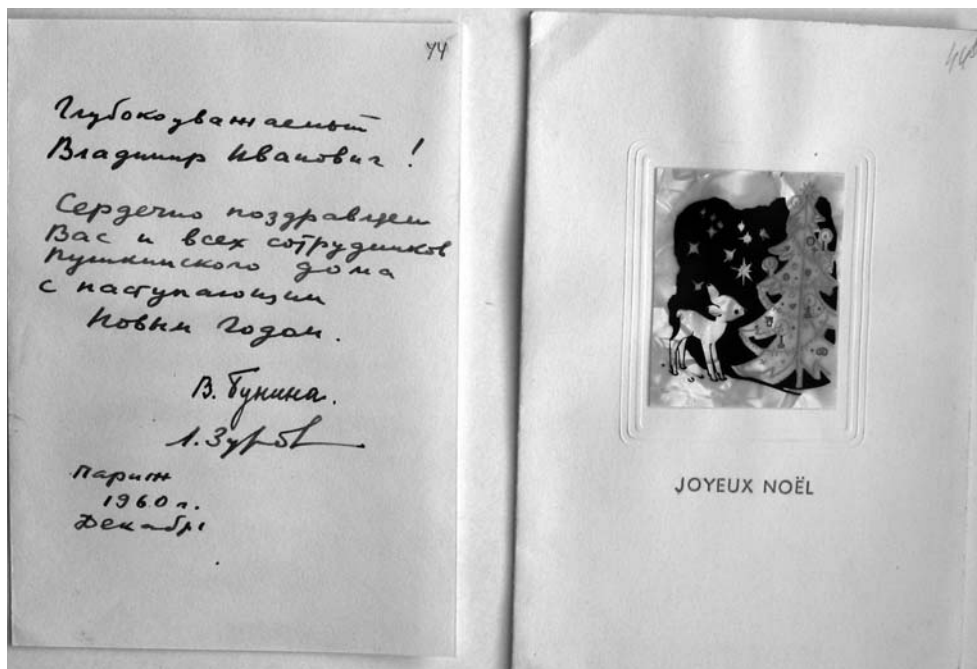
Сердечно поздравляем Вас и всех сотрудников Пушкинского Дома с наступающим Новым годом.

В. Бунина

Л. Зуров

Париж, 1960 г. Декабрь

Новогодняя открытка. Подпись «В. Бунина» — автограф В.Н. Буниной.

Поздравительная открытка В.И. Малышеву от Л.Ф. Зурова и В.Н. Буниной.
Декабрь 1960 г. (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1463. Л. 44)

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

17 апреля 1961 г. Париж

В Пушкинский Дом Академии наук СССР

Академику М.П. Алексееву, <В.В.> Тимофеевой и В.И. Малышеву¹.

Приношу вам глубочайшую благодарность за доброе и сердечное отношение к покойной Вере Николаевне Буниной.

Горе мое велико. Вчера были на могиле Веры Николаевны. (Ее гроб поставлен рядом с гробом Ивана Алексеевича.)

Вера Николаевна так и не дождалась приезда академика Михаила Павловича Алексеева. Во время болезни я прочел Вере Николаевне письмо Л.Н. Назаровой², и Вера Николаевна радовалась предстоящей встрече.

Вера Николаевна всегда сияла и радовалась, получая письма от научных сотрудников Пушкинского Дома. Какое это было утешение! Незадолго до болезни Вера Николаевна читала книгу «Житие протопопа Аввакума», присланную Владимиром Ивановичем Малышевым.

Все произошло внезапно. Сердечный припадок начался поздно вечером 21 марта. До 3 апреля мы боролись. Вера Николаевна была в полном сознании. Но ее сердце слабело. В 3 ч. 30 м.* я сложил руки Веры Николаевны.

Морально и физически я разбит.

От всей души благодарю вас за сочувствие в моем горе.

Л. Зуров

17 апреля 1961 г.

P.S. В квартире остались большие архивы Ивана Алексеевича и Веры Николаевны. Все я должен привести в порядок. Об этом сказано в завещании³.

Л.З.

Автограф, чернила.

¹ Алексеев Михаил Павлович (1896–1981) — литературовед, академик АН СССР. С 1934 г. сотрудник Пушкинского Дома. В 1950–1963 гг. заместитель директора ИРЛИ по научной работе. С 1956 г. заведующий Сектором взаимосвязей русской и зарубежной литературы.

Тимофеева Вера Васильевна (1915–2003) — литературовед, специалист в области советской литературы. Работала в ИРЛИ с 1950 г. Занимала должность заместителя директора ИРЛИ в 1960–1965 гг.

² «Мы переписывались, старались помочь чем могли — словом участия, посылками интересующих ее статей и книг. Однажды послали с кем-то из отъезжающих буханку ржаного хлеба, — вспоминает Л.Н. Назарова. — <...> Мы хлопотали и об увеличении пенсии Вере Николаевне, обратились с письмом о положении вдовы Бунина в Союз писателей». Ответ из Союза писателей (от 4 марта 1961 г.) извещал, что пенсия Буниной увеличена вдвое, о чем Л. Назарова написала в Париж [Голованова, Назарова 1974, с. 298–299].

* В 3 часа 30 минут дня.

³ Спустя месяц в письме Н.Е. Андрееву от 23 мая 1961 г. Зуров рассказывает о своих хлопотах: «Дел много. С трудом удалось отстоять часть квартиры. Столовую и кабинет Буниных отдаю соседке — дочери хозяина дома. На днях подписал контракт, по которому мне остается моя комната и комнатуха, в которой я сложу архивы. Веду переговоры с адвокатом, нотариусом. Устал бесконечно. По завещанию я должен привести в порядок архивы Ивана Алексеевича и Веры Николаевны...» [Переписка Андреева и Зурова 2013, с. 232].

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

20 мая 1961 г. Париж

Париж, 20 мая 1961

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,
спасибо за книгу «Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв.». Как хорошо, что Вы ее посвятили сестре, помогавшей Вам в собирании усть-цилемских рукописей.

Чувствую Ваше горе. Ведь Мария Ивановна <Малышева> работала вместе с Вами и Вы переживали все вместе.

Начал читать предисловие, путешествовать с учеными по низовой Печоре.

Спасибо и за каталог выставки истории русской культуры XI–XVII ст<олетий>¹. Его с большим запозданием мне передал Дедов.

Благодарю Вас за письмо от 23 апреля и выдержку из «Литературной газеты» о смерти Веры Николаевны Буниной². Часто, глядя на изданную Вами книгу, вспоминал Вас, думал о том, что Вы пережили, похоронив сестру. Трудно и мне. Жизнь веду напряженную. Дел много.

Очень Вас прошу передать прилагаемое письмо научной сотруднице Пушкинского Дома Людмиле Николаевне Назаровой. Прошу извинить меня, что отправляю два письма в одном конверте, но очень тяжелы для меня почтовые расходы, а отвечать приходится на множество писем со всего света.

От всей души желаю Вам здоровья, хорошей работы. Спасибо, что не забываете.
Ваш Л. Зуров

¹ Выставка «История русской культуры XI–XVII веков в памятниках письменности»: Каталог / вступит. ст. и ред. И.М. Кудрявцева. М., 1959.

² Заметка «Памяти В.Н. Муромцевой-Буниной» опубликована в «Литературной газете» (1961. 11 апр. № 44. С. 4).

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

22 сентября 1961 г. Эдинбург

22.IX. 1961 г. Эдинбург.

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Вчера получил письмо от С.Ю. Прегель. Она мне пишет: «Мне позвонил Хохлов¹. Привез Вам посылочку от научных работниц Пушкинского Дома и от В.И. Малышева...»

Спасибо сердечное, Владимир Иванович. Пожалуйста, передайте мою благодарность и признательность всем друзьям. Спасибо за память. Тронут и взволнован. Софья Юльевна пишет: «В посылке торт. Дала Х<охлов>у Ваш адрес, он обещал послать без промедления»...

Беда! Посылка из Парижа в Шотландию идет от 10 дней до 3 недель.

5 октября я возвращаюсь в Париж. Привет Михаилу Павловичу Алексееву и Мануйлову В.А.²

Ваш Л. Зуров

Открытка с видом: Эдинбург, Принсес-стрит.

¹ Хохлов Евгений Сергеевич (1890–1971) — прозаик, поэт-сатирик, публицист. Эмигрировал во Францию, жил в Париже, сотрудничал в журнале «Иллюстрированная Россия», газете «Последние новости». С 1947 г. работал секретарем редакции газеты «Русская мысль». В 1947 г. вышел из Союза русских писателей и журналистов в Париже в знак протеста против исключения из Союза его членов, принявших советское гражданство, и вскоре вернулся в СССР.

² Мануйлов Виктор Андроникович (1903–1987) — пушкинист, лермонтовед, инициатор и главный редактор «Лермонтовской энциклопедии» (1981). С 1958 г. член Пушкинской комиссии АН. В Пушкинском Доме работал в 1941–1950, 1970–1972 и 1979–1981 гг. Письма В. Мануйлова Л. Зурову 1961–1967 гг. см.: ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 70.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

28 сентября 1961 г. Эдинбург

Эдинбург, 28 сентября 1961

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Спешно написал поэтессе Софии Юльевне Прегель, чтобы она попросила Хохлова посылку в Эдинбург не отправлять. Получил 23 сентября следующий ответ: «Посылка находилась у Хохлова, который уже несколько дней тому назад отправил ее в Эдинбург. Надеюсь, что придет не в ужасающем виде»...

Посылка в пути, а везут посылки по железной дороге, потом на пароходе через Ламанш, проходят они через таможи (французскую и английскую). Каждое утро ожидаю, что явится почтальон, предвкушаю со своими друзьями великое

удовольствие, но, возможно, посылка придет после моего отъезда. Делать нечего — не судьба!

Пожалуйста, поблагодарите от моего имени научных сотрудниц Пушкинского Дома за подарки¹. Думаю, что я их знаю, но боюсь ошибиться, т. к. от Хохлова, который отправил в Эдинбург посылку, до сих пор письма не имею.

Посылаю Вам, Владимир Иванович, несколько веточек белого шотландского вереска. Я Вам когда-то писал, что он, по древнему народному поверию, приносит счастье. Белый вереск уже отцветает. Идут дожди. Сентябрь. Эдинбург плавает в тумане. Пахнет осенью. Пожалуйста, раздайте вереск добрым друзьям из Пушкинского Дома и сердечно поблагодарите их от моего имени. Вам я желаю здоровья и плодотворной работы.

Ваш Л. Зуров

4 октября 1961

Увы! Ни посла ни весла! Посылку не получил. Письмо от 28 сентября лежало у меня на письменном столе в ожидании посылки, заблудившейся в дороге. От Хохлова известий нет. Завтра вылетаю в Париж.

Вас и друзей из Пушкинского Дома благодарю.

Желаю всем радости.

Л. Зуров

Письмо и приписка напечатаны на одном листе.

¹ После кончины В.Н. Буниной сотрудницы Пушкинского Дома, навестившие ее и Зурова в 1960 г., старались поддержать оставшегося в одиночестве литератора, присылали подарки. В записке, датированной 25 августа 1961 г., они писали: «Милый Леонид Федорович! Очень рады поблагодарить Вас за внимание и за присланные сувениры — и послать Вам, как говорят на Украине, “живой привет”. Мы многое знаем о Вас через Михаила Павловича <Алексеева> и очень надеемся, что трудные Ваши размышления завершатся возвращением сюда, к нам, домой. Желаем Вам всего доброго, прежде всего здоровья, бодрости и решимости. Е. Кийко, Т. Голованова, Л. Назарова» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 82. Л. 1).

Л.Ф. ЗУРОВ — В.И. МАЛЫШЕВУ

28 сентября 1963 г. Эрки (Бретань)

28 сент. 1963 г.

Дорогой Владимир Иванович, шлю Вам и далеким друзьям сердечный привет из Бретани. От всей души желаю здоровья и плодотворной работы.

Ваш Л. Зуров

Бретань, Erquy

Открытка с видами Изумрудного берега в Бретани.

В 1960-х гг. Л. Зуров неоднократно посещал Бретань, собирая материалы по древней истории этого края.

В.И. МАЛЫШЕВ — Л.Ф. ЗУРОВУ

2 сентября 1964 г.

2.IX. 64 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Не трудно Вам оказать мне помощь в таком деле? Для статьи «Протопоп Аввакум в изобразительном искусстве» мне очень хотелось бы узнать год смерти художника К.А. Вещилова¹, судьбу его картин о протопопе Аввакуме, особенно большого его полотна «Сожжение Аввакума». Не живут ли в Париже его родные, которые были знакомы с его творчеством? Где напечатаны статьи, некролог о художнике? Не воспроизводилась ли в журналах его картина «Сожжение протопопа Аввакума»? Поговорите, пожалуйста, со знакомыми художниками, может быть, они знают о Вещилове и о судьбе его картин. Буду Вам очень и очень благодарен за любую справку о Вещилове.

С дружеским приветом

В. Малышев

Почтовая карточка.

¹ Вещилов Константин Александрович (1878–1945) — живописец, автор ряда исторических полотен. С 1928 г. жил во Франции, в 1935 г. переехал в США.

В. Малышев неоднократно обращался к теме иконографии Аввакума. В его публикации «Протопоп Аввакум в изобразительном искусстве (материалы)» упомянуты картины Вещилова «Суд над Аввакумом в 1666 году» (1910) и «Суд над Аввакумом» (эскиз одноименной картины) и приводится информация о том, что «К.А. Вещиловым в 1916 г. готовилась также большая по размеру картина “Сожжение протопопа Аввакума”, создававшаяся по заказу петербургского богача старообрядца Максима Екимовича Синицына. Картина не была закончена. Этюды, эскизы и наброски находились в собрании М.Е. Синицына» [Малышев 1966, с. 398–399].

Л.Ф. ЗУРОВ — В.И. МАЛЫШЕВУ

23 декабря 1964 г. Париж

23 декабря 1964 г.

Дорогой Александр Иванович!¹

Сердечно поздравляю Вас и сотрудников Пушкинского Дома с Новым годом! Желаю счастья!

Простите, долго не отвечал.

Художник Вещилов? Расспрашивал многих художников, задавал вопросы. Опросил даже Ланского, Кандинскую, вдову художника Петра Нилуса². Увы! Све-

дения очень слабы. Поток времен всё уносит. Океан мировой жизни смывает человеческие следы.

Сведения собирал не только в Париже (здесь старых русских художников уже нет), но писал и в другие страны.

В Париже Вещилов жил в 20-х годах. Художник Эрик Прен³ (проживающий в Шотландии. Ученик <Н.П.> Богданова-Бельского и академика <С.А.> Виноградова) мне написал: «...не ответил Вам сразу, так как надеялся, что Св. Св. Климов (художник Климов. Проживает в Канаде)⁴ ответит мне на вопросы о Вещилове. Ответа, однако, до сих пор нет, и я решил написать Вам, чтобы Вы хоть знали, что я сразу исполнил Вашу просьбу. Я сам помню о Вещилове только то, что он, очутившись в Италии после революции, там стал процветать, а затем почему-то уехал оттуда (по полученным сведениям, Вещилов уехал в Париж, а потом — в Америку, — Л.З.). Климов, я надеюсь, сообщит что нужно, но, может быть, и ему придется запросить кого-либо другого...»

А вот выдержка из письма Эрика Прена, полученного мною 14.12.64 г.:

«Пришло письмо от Климова, который сообщил следующее, к сожалению, это очень немного.

Кроме даты его рождения (1877) и года окончания у Репина академии в 1904 г. за картину “Иоанн IV после казанских побед” я ничего не знаю. В Нью-Йорке я видел пейзажи Вещилова, очень хорошие, у одного художника, который учился в Париже. Беда в том, что этот художник вообще на письма не отвечает, так что ему и писать напрасно. Я просил знакомого (а Климов живет в Квебеке) позвонить ему по телефону и написать потом мне. Когда что-нибудь дополнительное узнаю, то сообщу. Не помню, чтобы я за эмигрантские годы где-либо видел репродукции его работ. Был такой журнал в Париже — “Иллюстрированная Россия” — м. б., там надо поискать»...

Я думаю, что вещи Вещилова надо искать в Италии и в Америке, т. к. в Италии он долго жил и скончался, по имеющимся у меня сведениям, в Америке. Но русская колония в Италии угасает.

Желаю Вам здоровья и плодотворной работы.

Пожалуйста, дорогой Владимир Иванович, передайте маленькие поздравительные карточки

Людмиле Николаевне Назаровой,

Тамаре Павловне Головатовой⁵,

писателю Ивану Сергеевичу Соколову-Микитову, который напечатал в «Звезде» воспоминания⁶ (мне эти воспоминания друзья прочли по телефону).

Сердечно Ваш

Л. Зуров

P.S. 4 месяца я был болен. Острое переутомление. Лечусь и сейчас. Жизнь трудна. Я сам веду свое хозяйство. Утонул в архивах и своих записных книжках.

Л.З.

P.P.S. Бунинские мемориальные вещи (перечисленные А.К. Бабореко в телеграмме⁷ — а послана она была с разрешения Союза писателей) я держу на складе.

И за хранение плату вносил. А архивы (Ивана Алексеевича Бунина и Веры Николаевны Буниной) храню. Но меня затомили и задержали-измотали. Обещания, посулы, срывы, обнадеживания, задержки и т. д. и т. п. Доктор говорит, что мое острое переутомление — это результат всех неприятностей и волнений, которые я пережил в течение 3 лет. «Вас основательно измотали». Л.З.

Автограф, чернила.

¹ Имя написано ошибочно. Правильно: Владимир.

² Ланской Андрей Михайлович (1902–1976) — живописец, график. В Париже с 1921 г. Нилус Берта Соломоновна (урожд. Липовская; 1884–1979) — вдова живописца, литератора П.А. Нилуса (1869–1943).

³ Прен Эрик Дмитриевич (Эдмундович) (1894–1985) — художник. Детство провел в России, с 1922 г. жил в Англии, затем в Париже, Риге, Италии, с 1941 г. в Эдинбурге. Был знаком с Л. Зуровым, вместе с которым устроил выставку своих работ в Риге в 1937 г. В 1950–1960-е гг. Зуров неоднократно гостил у Э. Прена в Эдинбурге. Переписку Л. Зурова и Э. Прена (1954–1970) см.: ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 95.

⁴ Инициалы указаны ошибочно. Имеется в виду художник Евгений Евгеньевич Климов (1901–1990). В 1949 г. Е.Е. Климов вместе с семьей переехал в Канаду. Переписка Л. Зурова с Е. Климовым 1960-х гг., основанная на архивных материалах ДРЗ, опубликована, см.: *Вересова Т.* Евгений Евгеньевич Климов // Псковский летописец. 2012. № 2(7). С. 115–122.

⁵ Фамилия указана ошибочно. Правильно: Голованова.

⁶ *Соколов-Микитов И.С.* Давние встречи: [А. Куприн, И. Бунин, А.Н. Толстой, М. Пришвин] // Звезда. 1964. № 11. С. 170–180.

⁷ В архиве Л. Зурова в ДРЗ сохранилось семь телеграмм от А.К. Бабореко. Даты на них не обозначены. Здесь упоминается следующая:

«CONSERVEZ BUREAU CHAISE BOUNIN TABLE PR MANUSCRIPTS MACHINE ECRIRE ETAGERE PR MANUSCRIPTS CHAISE VARA NIKOLAEVNA SON SECRETAIRE COUCHETTE IVAN ALEXEEVITCH TELEPHONE TABLEAUX PORTRAITS STOP ARRIVE CES JOURS TOP QUESTION PAIEMENT EN TRAIN ETRE REGLEE. BABORECO» [Сохраните письменный стол и стул Бунина, столик для рукописей, столик для пишущей машинки и пишущую машинку, подставку для рукописей, стул Веры Николаевны и ее секретер, диван Ивана Алексеевича, телефон, картины и портреты. В ближайшие дни я приеду. Срочно решается вопрос о переводе вам денег. Бабореко] (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 1. Ед. хр. 35. Л. 202).

Личные и мемориальные вещи И.А. Бунина (одежда, картины, письменные принадлежности и др.), его архив (библиотека, письма и дневники) Зуров хранил на своей квартире, а мебель (шкафы, столы, кресла и др.) — на складе, внося плату за хранение. Полагая, что мемориальные вещи и архив должны быть отправлены на родину, Зуров вступил в переписку с советскими писателями, учеными, чиновниками, вел переговоры с представителями Союза писателей СССР и советского посольства во Франции. Тянувшиеся несколько лет, эти переговоры точно определены в данном письме как «обещания, посулы, срывы, обнадеживания, задержки».

Одним из инициаторов передачи архива Бунина на родину был Александр Кузьмич Бабореко (1913–1999) — литературовед, текстолог, исследователь жизни и творчества Бунина. Начиная с 1956 г. он переписывался с В.Н. Буниной, а затем и с Л.Ф. Зуровым, об-

суждал вопрос о приобретении архива. Поездка его к Зурову, упоминаемая в телеграмме, не состоялась. О том, как проходили эти переговоры и как они были блокированы советскими властями, см.: [Бабореко 1993, с. 98–109]. Переписку А. Бабореко с Л. Зуровым и В. Буниной 1958–1971 гг. см.: ДРЗ. Оп. 3. К. 1. Ед. хр. 34, 35, 36.

Впоследствии мебель из парижского кабинета Бунина долгое время хранилась в семье писательницы Н.В. Кодрянской, которая в 1973 г. переслала ее из Парижа в Государственный литературный музей И.С. Тургенева в Орле; архив, согласно завещанию Зурова, получила М.Э. Грин и передала его в Лидский университет в Великобритании.

В.И. МАЛЫШЕВ – Л.Ф. ЗУРОВУ

5 января 1965 г.

5.I.65 г.

Дорогой Леонид Федорович!

Большое Вам спасибо за поздравления с Новым годом, за доброе, участливое письмо. Если Вам сообщат о годе смерти художника К.А. Вещилова, о судьбе его картин о протопопе Аввакуме, напишите мне. Ваши поздравления всем передал. Все Вас благодарят. У меня сейчас набирается книжка «Древнерусские рукописи Пушкинского Дома»¹, которую обещаю Вам прислать, как только она выйдет. Как здоровье В.П. Крымова², куда переехал жить А.Г. Дедов? Еще раз спасибо! Желая Вам душевного спокойствия, бодрости и всего хорошего.

В. Малышев

Почтовая карточка.

¹ *Малышев В.И.* Древнерусские рукописи Пушкинского Дома: (Обзор фондов). М.; Л., 1965.

² Крымов Владимир Пименович (1878–1968) — прозаик, журналист, издатель, путешественник. В 1923 г. поселился в Берлине. Редактировал газету «Голос России», был ее владельцем. С 1933 г. жил во Франции. Член Союза русских писателей и журналистов. Переписывался с В.И. Малышевым.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

21 августа 1971 г. Эрки

21 ав<густа> 1971 г. Erquy

Дорогой Владимир Иванович, шлю Вам привет из Бретани. Сердечное спасибо за проспект с Вашей статьей. Читал ее с наслаждением. Тогда же послал Вам две книжки (второе издание «Отчины»)¹. Одна из них для Вас, а другая — для библиотеки Вашего института. Послал я книжки простой бандеролью, получили ли Вы их?

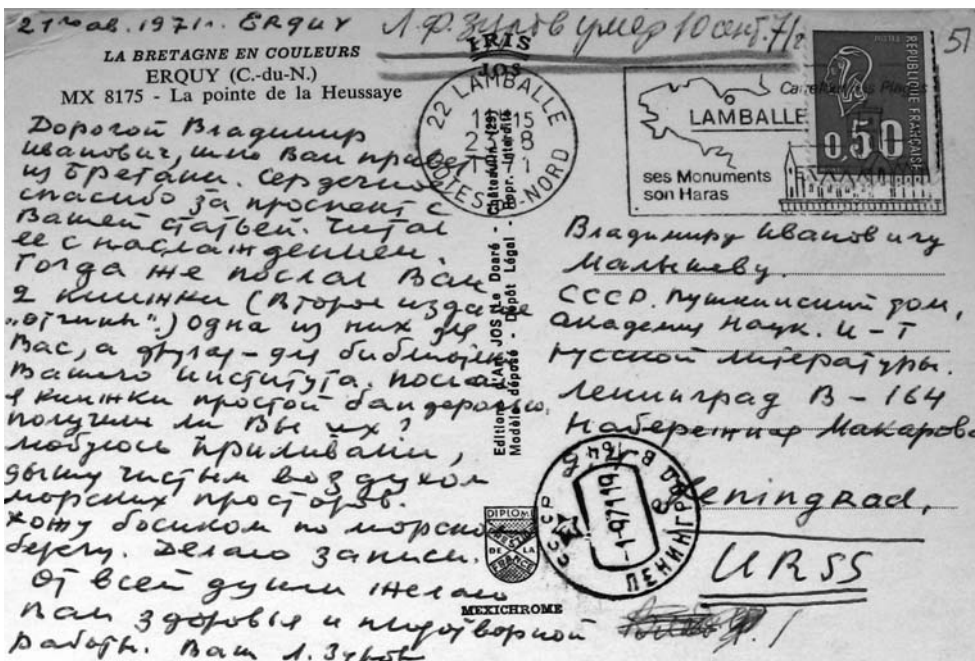
Любуюсь приливами, дышу чистым воздухом морских просторов. Хожу босиком по морскому берегу. Делаю записи.

От всей души желаю Вам здоровья и плодотворной работы.
Ваш Л. Зуров

Открытка с видом на Изумрудный берег близ Эрки.

На открытке надпись рукой В. Малышева, подчеркнутая красным карандашом:
«Л.Ф. Зуров умер 10 сент<ября> <19>71 г.».

¹ Зуров Л.Ф. Отчина: Повесть о древнем Пскове. 2-е изд. Париж, 1970.

Последнее письмо Л.Ф. Зурова к В.И. Малышеву
(РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1463. Л. 51)